

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

Дмитрий Кленовский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Серебряный век. Паралипоменон

Дмитрий Кленовский

Полное собрание стихотворений

«Водолей»

Кленовский Д. И.

Полное собрание стихотворений / Д. И. Кленовский —
«Водолей», — (Серебряный век. Паралипоменон)

«Последний акмеист», «последний царскосел», «последний поэт серебряного века» – так именовали критики Дмитрия Иосифовича Кленовского (наст. фам. Крачковский; 1892—1976). Выпустив первую книгу перед самой революцией, Кленовский в советские годы замолчал и вновь начал писать стихи лишь четверть века спустя, уже в эмиграции, где он оказался в 1942 году. Однако в отличие от ранних изящных и утонченных стихов, напоминающих стихи Кузмина, эмигрантские сборники Кленовского представляют собой философскую лирику самой высокой пробы. После смерти Георгия Иванова Кленовский многими признавался первым поэтом эмиграции и одним из лучших поэтов второй половины XX века. В издании объединены все одиннадцать его книг плюс стихи, не вошедшие в сборники. В приложении впервые публикуются две книги, подготовленные Кленовским в начале двадцатых годов, но так и не увидевшие свет: книга стихов «Предгорье» и перевод «Сельских и Божественных игр» Анри де Ренье.

© Кленовский Д. И.

© Водолей

Содержание

Палитра	11
I	11
1	11
2	11
3. Un pastel	12
4	13
5	14
6	14
7	15
8-9. Les Deux Sonnets De L'Amoureux	16
1. После спуска занавеса	16
2. Jalousie	17
10	17
11. Ее письма	18
II	19
12	19
13. Венеция	19
14. Davos, Arosa, Leisin...	20
15	20
16	22
17	23
18. В саду одной из старых вилл, на Комо	23
19. Амальфи. Монастырь	24
20	24
21. Фьезоле. Монастырь св. Франциска	25
22. Воспоминанья об Италии	25
III	27
23	27
24	27
25-26. В Финляндии	29
1. На воздухе	29
2. В комнате	29
27	30
28. Маленькую маркизу отвозят в монастырь	30
29	31
30. Летом	32
31	33
32	33
33	34
34. Упрек	35
35. Песня русского Пьеро	36
36. В санатории	37
37	38
38. Последняя ночь Пьеро	38
39. Поэма о шести утятах заглохшего пруда	39
Переводы	42

Из Роберта Стивенсона	42
40. Songs of travel. XXII.	42
Из А. Деренье	43
41-42. Из книги «Le miroir des heures»	43
1	43
2	43
43-47. Из книги «Les jeux rustiques et divins»	44
1. Намек о Нарциссе	44
2. Cautus incautae	44
3. Фонтан с кипарисами	45
4. Неумелые подарки	45
5	46
След жизни	47
48. Долг моего детства	47
49. Моя рука	48
50	49
51	50
52. Возвращенье	51
53	52
54	53
55. След жизни	54
56	55
57	56
58	57
59	58
60	59
61. Нежность	60
62. Радость	61
63. Чудо стебля	62
64. Жизнь	64
65. Поединок	66
66. Памяти горьких лет	68
67. Просьба	70
68. На побывке	71
69. Царскосельский сон	72
70. Дом	73
71	74
72	75
73. Двойник	76
74. Чужие	78
75	79
76	80
77	81
78. Лишний	82
79. Предсмертное	83
80. Дунайская зима	84
81. Болдинская осень	85
82. Нищая весна	86
83	87

84	88
85	89
86	90
87	91
88. Прохлада	92
89. На кладбище	93
90	94
91	95
92. Путь к любви	96
93. Рапсоды	98
94. Ангелы	100
95. Апостолы	102
96. Всевышнему	103
97. Звездная книга	104
98	106
99	107
Навстречу небу	108
100	108
101	109
102	110
103	111
104	112
105	113
106	114
107. Повседневность	115
108	116
109	117
110	118
111	119
112	120
113	121
114	122
115	123
116	124
117	125
118	126
119	127
120. Молитва на ветру	128
121	129
122	130
123. Звезды	131
124. Голос мира	132
125	133
126	134
127	135
128	136
129. Жизнь	137
130. Сердце и пальцы	138
131. Сон о казненном поэте	139

132	141
133. В комнате умершего	142
134	143
135. Разговор с самим собой	144
136. Христианская муза	145
137. Терновник	146
138. В лесу	147
139	148
140. Из прошлого	149
141	150
Неуловимый спутник	151
142	151
143-144. Родине	152
1	152
2	152
145. Когда вернусь	154
146-148. Царскосельские стихи	155
1	155
2	155
3	156
149. Не забытое, не прощенное	157
150	159
151	160
152. Весной	161
153. Чистота	162
154	163
155	164
156	165
157	166
158	167
159	168
160. Раз в году	169
161. Прощанье с телом	172
162	173
163	174
164	175
165	176
166	177
167	178
168	179
169	180
170	181
171	182
172	183
173	184
174	185
175	186
176. Сонет о розовом кусте	187
177. Сонет о меде	188

178	189
179. Эпитафия на смежных могилах	190
Прикосновение	191
180	191
181	192
182	193
183. Царскосельская гимназия	194
184	195
185	196
186. Ангелу-хранителю	197
187	198
188	199
189. Стихи о стихах	200
190	201
191	202
192	203
193	204
194	205
195	206
196	207
197	208
198	209
199	210
200	211
201	212
202	213
203	214
204	215
205	216
206	217
207	218
208	219
209	220
210	221
211	222
212	223
213	224
214	225
215	226
216	227
217	228
218	229
219	230
Уходящие паруса	231
220	231
221	232
222	233
223	234
224	236

225	237
226	238
227	239
228	240
229	241
230	242
231	243
232	244
233	245
234	246
235	247
236-237. Стихи о Петербурге	248
1	248
2	248
238	250
239	251
240	252
241	253
242	254
243	255
244	256
245	257
246	258
Конец ознакомительного фрагмента.	259

Дмитрий Кленовский

Полное собрание стихотворений

Палитра

*Светлой памяти
моего незабвенного отца и друга,
академика И.Е. Крачковского*

I

1

В тот час, когда в душе угас почти совсем
Неповторимый бред вчерашнего порыва, —
Как медленны тогда созвучия поэм,
Как грусть полутонов особенно красива...

Душе, уставшей жить в безумии былом,
Еще дороже жить почти неуловимо...
О, только для того и стоит быть огнем,
Чтоб в воздухе потом растаять легким дымом!..

2

В глазах твоих почти нездешняя печаль.
И вот мои глаза печальны тоже ею.
Я душу всю твою хотел бы взять; мне жаль,
Что позволяешь ты... — и что я не сумею...

Безумно сказочно, мучительно светло
Мне кажется всегда все то, что мной любимо,
И сколько чудных грез поэтому прошло,
Едва задев меня, едва отдавшись... мимо.

Как много тонких рук я мог бы взять в свои,
Когда б я только был не так всегда печален!
Я знаю, сколько их стихи мои вплели
В узор вечерних снов своих прозрачных спален...

Я знаю хорошо, я знаю наизусть
Всю робость грез моих и всю мою небрежность,
Слова, которых я жалел развеять грусть,
Разлуки, чью не смел убить я неизбежность.

Я помню (я еще ребенком был тогда)

Сверкающий залив и неба купол синий.
И дачу, где я жил, и море, где вода
Смывала желтых пчел с нагнувшихся глициний.

Я помню, я любил их приторных цветов
Орнамент трепетный, – любил одно их имя;
Как часто был тогда я их сорвать готов,
И унести к себе и надышаться ими...

И вот я до сих пор не знаю отчего:
Боязнь ли сторожа, отъезд ли наш случайный, —
Но я не тронул их, из детства моего
Их образ унеся, томительный и тайный.

Я вспоминаю вас, глицинии весны!
Я для вопросов всех нашел печаль ответов,
И для меня теперь вы властно сплетены
С туманной чередой неясных силуэтов.

И ваших гроздий тон и странный ваш изгиб
Теперь слились во мне, – и виноваты вы же! —
С руками, что вчера меня обнять могли б,
С глазами, что в мои смотреть хотели ближе,

Со всем, что я любил и между тем не смел
Назвать моим, со всем, что быть моим могло бы!
Кто знает?.. может быть, я сам того хотел...
Я вспомню это все уже почти без злобы...

Почти... И только сны вечерние мои
Печалить будет тень сплетенных ваших линий:
Глицинии, – моей прообразы любви,
И женщины, – моих прообразы глициний!

3. Un pastel

Ей скучно повторять заученные гаммы.
Ее зовет весна, игрушки, спящий сад.
А тут ей только вечно говорят:
«Жинетта, вы ленивы, вы упрямы!

Вы не умеете держаться даже прямо!»
И легкая печаль туманит детский взгляд...
– Ее зовет весна, игрушки, спящий сад.
Ей скучно повторять заученные гаммы.

Меж ставен полосой ворвался яркий свет:

Он зажигает стол, забытых роз букет
И кудри светлые склонившейся головки.

На сумраке стены темнеет ряд картин,
И под рукой небрежною и легкой
Рассказывает сказки клавесин.

4

Вам странно, отчего последний разговор,
Который Вы со мной теперь иметь хотите,
Назначил я Вам так невежливо, – простите, —
На улице... Какой необъяснимый вздор!

Но слушайте: теперь зима; пушистый иней
Обрисовал давно перила у мостов;
На набережной и в аллеях островов
Снег – утром золотой, а вечерами – синий.

Теперь уже зима. А знаете, зимой,
На улице, где жизнь поспешна и случайна,
Все кажется одной необъяснимой тайной; —
Пусть ею будет Вам последний образ мой.

Там, в яркой тишине гостиной освещенной.
Я не сумел бы скрыть от Вас мою печаль, —
Я, написавший Вам, что мне почти не жаль
Любви исчезнувшей и дружбы расплетенной.

Я там казался бы и странен и смешон.
А здесь... Вы ничего здесь не поймете точно!
Кто знает, почему, случайно иль нарочно,
Воротником пальто мой голос заглушён?

Кто знает, просто ли сейчас я оступился,
Когда я с Вами шел по скользкому мосту, —
Иль понял, что пора убить мою мечту
И этой же мечте в последний раз молился?

Кто знает, для того ль в карманы я сейчас,
Чтоб только их согреть – свои засунул руки,
Иль я сжимаю их от злобы или муки,
Что ими удержать я не сумею Вас?

Кто знает, отчего я на прощанье мало
Скажу Вам, – нету сил иль фразы не слышны?
Поэтому иль нет глаза мои грустны?

И что это: слеза иль просто иней талый?..

5

В тот день, когда судьба разъединяет властно
Двоих, которые хотели бы напрасно,
Хотя б на несколько часов еще, продлить
Давно любимых грез невидимую нить;
Когда судьба двоих уводит без возврата
От незабытых снов недавнего «когда-то»
Путями разными в неведомую даль, —
Она на них двоих дает одну печаль.
И разделить ее, одну, между собою
Они должны тогда, как знают, — и порою
С собою равную уносит каждый часть;
Но если новым сном уже другая власть
Кого-нибудь из двух коснется по дороге, —
Другой, в безумном сне, в мучительной тревоге,
Надолго, может быть, в загадочную даль
В одних своих глазах уносит всю печаль.

Мой друг, я помню сам, что расставаясь с Вами
Я встретил грустный взгляд печальными глазами.
Я знаю, поровну тогда между собой
Мы разделили грусть. Но длинной чередой
С тех пор прошли года в душе моей усталой.
И вот с недавних пор и мне казаться стало,
Что прежняя печаль в глазах моих сильней.
Не потому ли, друг, что промелькнувших дней
Для Вас теперь уже туманней очертанья?
Не потому ли, друг, что Ваша часть страданья
Из Ваших перешла во взгляд моих очей?
О, скоро, может быть через немного дней —
Вы все забудете! А я... — а я невольно,
Но зная, почему мне так безумно больно,
С собою унесу в глазах моих, — о пусть! —
Всю грусть... Всю грусть... Всю эту нашу грусть!..

6

Душа моя — вечерняя гондола
На зеркале опаловом канала,
И фельц ее, снаружи без узора,
Внутри обит материею алой.

Ее ведет какой-то странный кормчий,
Всегда печальный и всегда влюбленный,
И песнь его то тише, и то громче
В ночной тиши лагуны полусонной.

Душа моя – вечерняя гондола
На зеркале опаловом канала.
Она увозит мимо Сан-Паоло
Усталых женщин с конченного бала.

За силуэт небрежный или строгий.
За чистоту или греховность взора.
Она во всех них влюблена немного —
И все ее забудут слишком скоро.

В часы рассвета иль в часы заката.
Когда томит неясная истома.
Она какой-то грезой объята.
К чему-то невозможному влекома.

Ее зовут, зовут далеко в море
И крылья чаек и волны опасность.
Но странный кормчий с грустью во взоре
Ее полета сдерживает властность.

Ей не видать безбрежность синей дали.
Ей не дышать соленой пылью пены:
Ей суждено на блекнущем канале
Седых дворцов стеречь немые стены.

Ей суждено слышать только сказки
Забытых гіо, струн гитары пенье;
Ей суждено узнать одни лишь ласки
Улыбки, взгляда и прикосновенья,

И близ пьядетты, у пустого мола,
Грустить о том, что это слишком мало...

На зеркале вечернего канала
Моя душа – вечерняя гондола...

7

В этот снег и вьюгу, в этот страшный холод
Мне еще роднее, мне еще милей
Тот букет фиалок, что сейчас приколот
На меху пушистом у груди твоей.

Пусть оно жестоко, может быть, немного,
Пусть цветы завянут раньше чем всегда, —
Осудить я это не сумею строго,
На вопрос об этом не отвечу «да».

Твой букет напомнил легкими цветами
Ту любовь, которой жизнь моя полна:
Как и в нем, в ней столько грусти временами,
Как и он, порою, так проста она.

Как и он, завянет бесконечно скоро,
Как и он, бесцельна даже, может быть;
Расставаясь тихо с их двойным узором,
Я ее сумею, как его, забыть.

Но я знаю, все же, что она не даром
Грустью напоила взгляд моих очей,
Что она мне будет самым лучшим даром,
Самой лучшей сказкой юности моей,

Что она дает мне бесконечно много,
Что, благодаря лишь только ей одной,
Я пройти сумею долгою дорогой
С чем-то очень светлым в памяти больной.

И что чувство это в этот страшный холод
Мелких увлечений и пустых страстей —
Тот букет фиалок, что сейчас приколот
На меху пушистом у груди твоей.

8-9. Les Deux Sonnets De L'Amoureux De Colombine

«Карнавал» Шумана балет Фокина

Т. П. Карсавиной

1. После спуска занавеса

Незванным я пришел на этот карнавал.
Я не знаком ни с кем. И лишь одна Эстрела,
С улыбкою своей и долгой и несмелой.
Сказала мне слова... но я их не слышал...

И я иду один. Едва светает... Бал
Уже окончился. Я помню, — скрипка пела...

И в памяти моей какой-то образ белый
Остался... – Эта ночь безумна... Я устал...

У длинного стола, где догорают свечи,
Пьеро! – ты, может быть, мечтал о той же встрече?
Но ты ушел; твой стул теперь стоит пустой...

Я сяду на него и черным силуэтом
На фоне скатерти и дали золотой —
Я буду ждать ее... Я буду час поэтом...

2. Jalousie

Меня безумно злит Ваш пестрый арлекин!
Вы любите его печальными глазами...
Скажите, отчего он так обласкан Вами?
Он недостоин Вас, царица коломбин!

Пусть вместе вы сошли со стершихся картин:
Ужимки и прыжки нельзя любить годами!
Сознайтесь, ведь уже он был несносен в раме!
Он так шокирует мой поэтический сплин!

Он беззаботен, пусть, его апломб безмерен;
Вы не находите? – Он слишком в Вас уверен!
Я вызову его сегодня на дуэль!..

Мы будем драться там, у длинной балюстрады,
В рассветном воздухе, туманном как постель...
И буду я убит... – И будете Вы рады.

10

Как мало белых роз осталось для тебя
В душе моей, душе мятежной!
Одни я подарил, любя и не любя,
Другие сорваны бесцельно и небрежно.

Кто может запретить проснувшейся весне
Цветы свои дарить без отдыха и счета?
Вся молодость моя принадлежала мне.
Я не сумею в ней отдать тебе отчета.

Теперь, когда душе понятней и больней
Все эти первые, безумные утраты,

Когда ее цветы ветрами долгих дней
Так бессознательно и так бесцельно смяты,

Когда моя мечта опять горит огнем,
А белых роз в груди осталось слишком мало —
Мне грустно, что в своем безумьи роковом
Их молодость моя так щедро раздавала!

– Последние цветы в груди моей горят...
Я их отдать забыл иль их сорвать забыли?
– Прости, что я дарю их грустный аромат
В обмен за чистоту твоих весенних лилий!

Прости, что лучшего тебе я не принес,
И что для твоего венчального букета
В груди моей не хватит белых роз...
– Прости меня, прости меня за это!..

11. Ее письма

Я помню, – я их знал когда-то наизусть,
И самому себе я повторял повсюду
Их фраз несбыточных доверчивую грусть...
Я их почти забыл, – я их совсем забуду...

Теперь они лежат на письменном столе,
Но бросить их в огонь мне не хватает силы.
– Пускай они порой почти чужие мне,
Пускай порою мне они почти не милы,

Пускай созвучья их для сердца моего
Почти утрачены, почти уже неясны, —
Я оставляю их... – хотя бы для того,
Чтоб как-нибудь потом найти их бред напрасный,

Чтоб ими разбудить мою былую грусть,
Их тихим шелестом напомнить трепет дальний,
И лишний раз сказать с улыбкою печальной:
«Я помню, – я их знал когда-то наизусть...»

II

Муза Дальних Странствий...
Н. Гумилев.

12

Уйти, уйти от всех! На Гарда или Комо.
В деревне, в комнате с распахнутым окном
Жить одному! Мечтать! Не думать ни о ком!
Почти что никогда не оставаться дома!

Забыть, что где-то есть далекий силуэт,
Чью тень мои глаза любили и искали;
Влюбиться в шепот вод и в ширь лазурной дали,
На почту не ходить и не читать газет.

От ласковой зари до яркого заката
Бродить в густой тени покинутых садов,
И с грустью понимать, что слишком мало слов,
Чтоб объяснить все то, чем сердце так богато.

А тихим вечером, когда на глади вод
Огней береговых играют отраженья, —
На пристань уходить, чтоб видеть на мгновенье
С другого берега зашедший пароход.

На низкой палубе, где образы неясны,
Где лампы тусклые дают неяркий свет,
Найти какой-нибудь случайный силуэт,
И полюбить его бесцельно и напрасно.

По узким улицам уйти к себе, домой,
С душою радостной и грустною улыбкой,
И у чужих ворот, в тени оливы гибкой
Заслушаться до слез какой-нибудь плохой.

Какой-нибудь плохой, ненужной, старой скрипкой..

13. Венеция

Простора шумного сверкающей пьяцетты
Милее улиц мне забытых тишина.
В них столько прелести! — и вновь покорена

Их лаской тихою печаль души поэта.

Их тень зовет меня, и в мягком полусвете
По плитам скошенным и узким ступеням
Иду, иду вперед, куда? – не знаю сам,
И радость тихая звучит в моем ответе.

Вот улица одна окончилась. Подъем
На стройный мост. Минутный свет кругом;
Внизу – зеленых вод канала плеск печальный.

Один... И в тишине так ласково звенит
И этот плеск о дремлющий гранит,
И монотонный крик гребцов гондолы дальней.

14. Davos, Arosa, Leisin...

Л. А. З.

Я знаю девушек: одни они живут
В бесцветных комнатах швейцарских санаторий.
Они недавно лишь приехали и вскоре
Уйдут, как те ушли, что жили прежде тут.

Скажите это им, – они вас не поймут.
Доверье детское в их обреченном взоре.
Они повторяют вам в прощальном разговоре.
Что вас они к себе, – ну, скажем, в Лондон, – ждут.

Обед их в шесть часов. Они ложатся рано.
Цветные томики французского романа
Сиделка отберет и спрячет под замок.

Досадно и смешно. Бранятся, хмурят брови, —
И пробуют заснуть, прижав к губам платок,
В котором иногда бывают пятна крови.

15

Profils perdus
Paul Bourget

В Ментоне, Ко, Флоренции, Довиле
Или в Mont d'Or?
В Палас-отель, в отель Регина или
В отель Виндзор?

В трамвае, парке, hall'е иль гостиных,
И сколько раз,
В былые дни моих поездок длинных
Встречал я вас?

Вы были всюду та же и не та же,
И я не знал,
Знаком ли я был с вами или даже
Вас не видал.

Вы были то блондинкой, то брюнеткой,
И я привык
Слышать под вашей спущенной вуалеткой
Чужой язык.

Порою вы печальной мне казались.
Зато потом
Вы так безумно весело смеялись
Над пустяком.

И мне печаль иль радость вашей речи
Была мила...
То кружева ласкали ваши плечи.
То шеншила...

Вы каждый раз других духов любили
Цветную пыль:
Вы l'Origan в два дня переменили
На Roses de Nil.

Лишь иногда, в обмане неизбежном
Банальных фраз.
Обманы слов, бесцельных и небрежных,
Сближали нас.

Зато порой, не обменявшись взглядом,
Мы по часам
В ином кафе сидели с вами рядом
По вечерам...

Всегда в плену моей мечты неясной,
В семнадцать лет
Я полюбил надолго и напрасно
Ваш силуэт.

Как много вам элегий и печали
Я подарил!
О, если б вы хотя немного знали,

Как я любил!

Но грусть моя вас каждый раз теряла
То там, то тут... —
Ведь нас судьба всегда соединяла
На пять минут!

Но я привык к печали безотчетной
Подобных встреч.
И я сумел ваш образ мимолетный
В груди сберечь...

В какой стране, в каком отеле шумном.
В который раз.
Влюбленный в вас бесцельно и безумно
Я встречу вас?

В cafe Regence, на rio di Foscari,
На rue Gounod?
В bois de Boulogne, в уютном sleeping car'e
Иль в казино?

В Ментоне, Ко, Флоренции, Довиле
Или в Mont d'Or?
В Палас-отель, в отель Регина или
В отель Виндзор?

16

Для ваз, тончайших ваз чудесного Челлини,
Венчавших славою печаль его чела,
Сама Италия с улыбкою дала
Живую красоту своих волшебных линий:

Изгиб стены, рисунок стройных пиний,
Неясный силуэт забытого дворца
И трепетный узор садов, где без конца
Горит орнамент роз, азалий и глициний.

Ему подарены, и в блеске ваз живут.
От Комо – аметист, от Капри – изумруд,
А пурпурный закат на зеркале Канала,

На rio спутанных Венеции моей —
В изгибах легких ваз, среди других камней,
Горит созвучием рубина и опала.

17

Ты помнишь? – мы были в Версале
В осенний задумчивый день.
Мы шумный Париж променяли
На эту бесшумную тень.

Ты помнишь, как серые стены
Нас вывели в вянущий сад?
Как ты покупала мадлэны,
Как ты не хотела назад?

В аллеях листы монотонно
Летели с деревьев к земле,
В замолкших фонтанах Латоны
Грустили на желтом ковре.

И там, где туманней и глуше,
Где все в неразбуженном сне, —
Нашли мы этюды la Touch'a
В сонетах Henri de Regnier.

В бассейна бестрепетном лоне
Твой образ терялся и гас.
На этом загадочном фоне
Все было загадкой для нас.

Ты помнишь? В уютной коляске
На нашем обратном пути
Мы только молчали, как в сказке.
Мы слов не хотели найти.

Все то, что вернуться могло бы,
Нам было так трепетно жаль, —
И после мы поняли оба,
Что мы полюбили Версаль.

18. В саду одной из старых вилл, на Комо

«Да, этот сад дает не мало мне хлопот!
Как только умерла графиня, сын графини
В Париж уехал; там живет он и поныне;
Не вижу я его уже который год.

Все пишет только мне: убавь, убавь расход.

Живет он широко; читал о нем в газете.
И вот пришлось совсем забросить розы эти,
А жалко: – кое-как весь сад теперь растет!..»

Садовник замолчал... Спускалася прохлада...
Аллеи узкие покинутого сада
Грустили в сумраке вечерней тишины...

Кусты последних роз ко мне склонились ниже,
И мне послышалось: «мы умереть должны: —
Цветы оранжерей так дороги в Париже!»

19. Амальфи. Монастырь

Сквозь рамку белую старинной колоннады
И ветви пыльные скучающих олив
Сверкает небосклон, и город, и залив,
К которому сойти зовут ступени сада.

Быть может, там, внизу, и воздух и прохлада,
Но солнца южного так радостен призыв, —
И жалко двигаться... Сегодня я ленив;
Мне чудно хорошо, мне ничего не надо...

И мне мерещится сквозь дымку снов моих
Какой-нибудь монах, который меж других
Здесь так же сиживал и так же спал, наверно,

В дни жаркие, пыхтя, сосал большой лимон,
Дарами прихожан смущал неверных жен
И в келию таскал из погреба фалерно.

20

Вы в hall'e моего отеля
Сегодня были в пять часов;
Пройдя по бархату ковров,
Вы на одно из кресел сели.

Вы две газеты просмотрели,
Пока швейцар, без лишних слов,
Принес вам список всех его жильцов
За две последние недели.

И над бумагой небольшой

Вы наклонились. Порой
Ваш взор туманился заботой.

Вы просмотрели, не нашли,
Вздохнули, встали и ушли... —
Я полюбил вас отчего-то!..

21. Фьезоле. Монастырь св. Франциска

Как ни старался я монаху объяснить.
Что год тому назад, свободно, без преграды,
По узким келиям и по аллеям сада
Часами целыми один я мог бродить, —

Меня не согласился он пустить;
И отвернулся я с невольною досадой.
О, только пять минут, — мне большего не надо!
За пять минут я все успею пережить!

Но он захлопнул дверь, и только на мгновенье
Увидел я аллею знакомых направление,
Колодец с розами, узор седых олив

И ту скамейку, где с безумною печалью
Я столько раз мечтал, о мире позабыв,
Глядя, как небосклон сливался с синей далью...

22. Воспоминанья об Италии

О, эти мелкие, прелестные детали
Поездок! Реализм меж этих вечных снов!
Журнал, потерянный в тиши пустых садов;
Билет, украденный в Болонье на вокзале;

Лимон, зацепленный гондолой на канале;
Мошенник, знавший пять нелепых русских слов;
Плохой бенедиктин в Орвьето; семь часов,
Что в Кьюзи, кажется, мы пересадки ждали...

Воспоминания еще недавних дней,
Картины лучшие Италии моей, —
Простите! — в памяти я вас поставлю рядом
С мальчишкой, что просил подачки битый час.
С ризотто спорченным, и этим псом, что раз
Я в Тиволи кормил швейцарским шоколадом!

III

23

Печаль моих стихов я посвятил давно
Глазам задумчивым, глазам печальным вашим.
Им было, помнится, в моих читать дано:
Они поэтому еще мне были краше.

Теперь вы далеко... Я знаю, вы уже
Забыли обо мне. А я... – сознаться больно, —
Но сердце новым снам и новой госпоже
Молилося не раз, хотя бы и невольно.

– Быть может, как-нибудь случайно к вам дойдет
Та книга, где мои заставлю вянуть песни,
И ваш забывший взор с досадою прочтет,
Что кто-то для меня был даже вас прелестней.

И будет странно вам. Среди знакомых строк
Вам что-то станет вдруг безумно незнакомо;
И вы прошепчете: «Он так писать не мог!
Я вместе никогда с ним не жила на Комо!

Я говорила «Вы»! Мои не те меха!
Фиалок никогда я не ношу весною!»
Но что-то вдруг блеснет сквозь диссонанс стиха
Какой-то ласкою знакомою, родною...

И это чуждое для вас по временам
Вам так покажется на прежнее похоже, —
И не поймете вы... Поймите же, что все же
Печаль моих стихов я посвящаю вам!..

24

У Музы моей золотистые кудри,
Небрежный и ласковый взгляд;
Туманные слезы плененных жемчужин
На пальцах усталых горят.

Она не одета в прозрачные ткани
Иль в ярких материй узор;
На ней, как в простом современном романе,

От Ворта закрытый tailleur.

Какой-нибудь камень, чудесный и редкий,
В ее не играет кудрях.
Черты закрывает густая вуалетка,
Перчатки на тонких руках.

Весенних фиалок букет ароматный
Приколот к ее шеншила; —
Она непослушна... она непонятна...
Она бесконечно мила...

По целым неделям порою, быть может,
Ко мне не заходит она;
Тогда мое сердце почти не тревожит
Мираж мимолетного сна.

Бесцельно проходят часы за часами,
Мой вечер мучительно тих,
И я разрываю, листы за листами,
Начало элегий моих.

Но часто, в часы одиноких мечтаний.
Когда за рабочим столом
Я жду невозможных и странных свиданий.
Скучаю, не зная о ком;

Когда в моем сердце сильнее рыдает
Печаль непонятного сна, —
Я слышу, как двери она отворяет,
Я вижу, как входит она.

С небрежной улыбкой, с насмешливым взглядом,
Она, — и я это хочу! —
Садится со мною доверчиво рядом,
Плечом прикасаясь к плечу.

Упрямые кудри лениво отводит,
Снимает перчатку свою,
По белой бумаге внимательно водит
Послушную руку мою.

И я отдаюсь мимолетным миражам,
И долго, близка и нужна,
Слова за словами, за фразами фразы
Мне тихо диктует она...

И вечер проходит, и сказкою хмурой
Играет метель за окном.

Высокая лампа в плену абажура
Горит одиноким пятном.

Неясною лаской, истомой невнятной
Касается дрема чела,
И легких фиалок букет ароматный
Грустит на ее шеншила...

25-26. В Финляндии

Зимние акварели

1. На воздухе

Пусть колокольчик пел под красною дугой
Так недогадливо и так немзыкально.
Но в медленном плену дороги снеговой
Мне было без него достаточно печально.

Лошадка шла сама, не тронута вожжой.
В вечерней тишине уже тускнели дали.
И я не мог простить, зачем я слишком твой,
Когда твои глаза в мои глядеть – устали.

Ты, кажется, спала. Под шляпкой меховой
Я смутно различал лица изгиб овальный,
А колокольчик пел под красною дугой
Так необдуманно и так немзыкально!

2. В комнате

Тюльпаны желтые в березовом горшке
Поставлю я к себе на узкое оконце.
Сосульки длинные висят на желобке:
В них ночью спит луна, а днем гуляет солнце.

В веселой комнатке один я целый день.
Смотрю на яркий снег, на сосны, на дорогу,
Читаю, если мне писать бывает лень,
И ночью, перед сном, молюсь немного Богу.

Но не приходишь ты... А если б и пришла,
То будут ли тебе достаточно понятны
Упреки в комнате, которая светла,
Где солнцем зажжены ликующие пятна?

27

Осень близко. Желтый лист мелькает.
И опять до утренней зари
Ранний вечер тихо зажигает
Вдоль пустынных улиц фонари.

Облака так низко над землею.
В тихом зале скучно и темно.
И дожди минутные порою
Тяжело и резко бьют в окно.

Осень близко... В парке, на озера.
На пруды заросшие кругом.
Тихо рея, листья лягут скоро
Золотым и трепетным ковром.

Зашуршат аллеи под ногами,
Белых астр поблекнет красота,
В серой дымке, в ласковом тумане
Дальний лес потонет, как мечта.

Новых грез вернется мне ошибка,
И опять, — и это мне не жаль, —
Опьянит меня своей улыбкой
Старый друг, осенняя печаль...

28. Маленькую маркизу отвозят в монастырь

Ее всю ночь баюкало в дормезе,
А рано утром кучер и лакей,
С поклоном низким, подарили ей
По самой яркой, самой красной розе.

Еще прохладой веяло в лесу;
Из-под колес спасались гурьбою
Лягушки; длинный хлыст сбивал порою
С прозрачных листьев яркую росу.

В жеманной речке отражались ивы;
Цвели луга; несло жужжанье пчел;
Спала деревня; у стены осел
Жевал репейник и смотрел лениво...

Чтоб вылезти и чтоб нарвать цветов
На ярко синей, радостной полянке.
Она щекочет шею гувернантке
Прикосновеньем легких лепестков.

Но та строга, неумолима даже:
«Нам надо быть к семи в монастыре!
Он там, ты видишь, – слева, на горе».
И поправляет ленты на корсаже.

Ах да, она забыла! – ночью ей
Виконт приснился, – что за сон чудесный!
Он говорил: «маркиза, вы прелестны!»
И руки целовал ей до локтей.

А тут ее на много лет запрячут
От этих всех загадочных вещей,
Оденут скверно и прикажут ей
Весь день молиться... – и маркиза плачет...

А в гору медленно ползет дормез;
Фруктовый сад, стена, фонтан, ворота...
Подножка щелкнула; развеяна дремота,
И падают из рук стебли увядших роз...

И мать-игуменья встречает на дорожке
Ту, что с собой Мадонне принесет
Три тысячи французских ливров в год.
Вопрос в глазах и две прелестных ножки...

29

Прозрачное раннее утро дышало весенней прохладой.
Вершины деревьев горели под лаской луча золотого.
Он шел по заглохшим аллеям забытого старого сада
Любимую женщину с грустью увидеть в объятьях другого.

Он знал ту аллею, в которой они назначали свиданья:
Там гуще сплетались ветви, теснее ложились тени,
И так безотчетно дарили неясное благоуханье
Акации желтые грозди и белые ветки сирени.

И он их увидел, где думал. Они говорили, и внятно
Весеннее утро будили их юные, смелые речи:
А утро уже просыпалось, и ветер ласкал ароматный
Ее непослушные кудри, ее обнаженные плечи.

В руках ее – ветка сирени; к губам прижимая неясно,
Она отдает ее после с капризной улыбкой другому.
О, как он тогда ненавидел, безумно, мучительно, властно,
И белую ветку сирени, и неги весенней истому!

И сколько стоял он – не помнил. Когда же очнулся, то было
Все тихо и пусто, и только порою, угрозой несмелой,
Еще незаснувшая злоба послушную память будила.
И белая ветка сирени на старой скамейке белела.

Душистым, проснувшимся ветром пахнуло; листва зашептал;
По гравию узкой аллеи, мелькая, забегали тени.
Он тихо нагнулся и поднял и, чтобы она не завяла,
С собою унес он с улыбкой забытую ветку сирени...

30. Летом

Георгины на круглом столе
Побледнели с потухшим закатом...
Вы зайти обещали ко мне
С сен-бернаром и маленьким братом.

Я велел принести на балкон
Старомодные синие чашки.
Мой заброшенный сад напоен
Ароматом некошеной каши.

Этот милый минутный визит
Будет все же почти не визитом!
У меня шоколад и бисквит:
Двое младших займутся бисквитом!

А для вас... а для вас у меня
Есть цветы небольшого букета.
Тихий вечер июльского дня
И четыре неясных сонета...

Будет тихо... Сквозь ветви берез
Долетят монотонные стуки...
Сен-бернара обиженный нос
Нам уткнется в сплетенные руки...

Головенка с большим хохолком
Оторвется на миг от бисквита:
«Расскажи-ка еще мне, как гном
От колдуньи забрался в корыто!»

Шелест листьев... Спадает жара...
Я забыл все рассказы про гнома!..
Но куда вы? – «Домой. Нам пора.
Я давно обещала быть дома».

Сен-бернар от восторга хвостом
Опрокинет забытые чашки.
Торопясь, мы пойдем вчетвером
По ковру темно-розовой кашки.

Мальчуган на изглоданном пне
Снимет домик со скользкой улитки.
– О, позвольте, пожалуйста, мне
Проводить вас до старой калитки!

Я открою... закрою... мелькнет
Вдалеке ваша шаль голубая...
Эта ночь, – она скоро придет...
Добрый вечер, моя дорогая!

31

В саду, где май сверкал и где цвели цветы,
В аллее, где сирень горела сказкой белой,
Моей любви мучительно несмелой
Я вам сказал желанья и мечты.

И вы ответили... уже не «вы», а ты...
Но все прошло так быстро, так неожиданно...
Мы разошлись уже, когда в саду туманном
Кружились первые осенние листья...

Когда-то, чтоб еще безумней было счастье,
Весна коснулась нас своей волшебной властью;
Теперь же осень грустно убрала

Листвой увядшею, эмблемой страсти дальней,
Аллею, по которой ты ушла, —
Чтобы разлука нам была еще печальней...

32

А. А. Таскину

Закат был золотым, а ночь потом пришла

Такою медленной, такою странно синей...
И синяя печаль мне на душу легла,
Как на душу пчелы умершей меж глициний.

Почти что хорошо. Не закрывая глаз,
Живу как будто бы с закрытыми глазами.
Я знаю, я вплету в узор певучих фраз
Слова, которые нельзя назвать словами.

Почти что хорошо. Почти. И только жаль,
Что завтра будет то, чего сейчас не надо,
Что эта синяя, бездонная печаль
Уйдет из глаз моих, как эта ночь из сада;

Что завтра буду я опять, опять собой,
Что солнце медленно зажжет цветы глициний,
И сердце вырвется разбуженной пчелой
Навстречу золоту из этой сказки синей!

И хочется, чтоб все окончилось не тем,
Чем кончиться должно, а новой, долгой тайной,
И чтоб в моих глазах осталась бы совсем
Печаль, которая пока еще случайна...

33

Я боюсь: не такими мечтами,
Как мои небольшие мечты,
В своем сердце, предутреннем храме,
Засветишь незажженное ты.

Я пришел для неясного счастья.
Я одной только сказки хочу.
Я хочу мимолетно, не властью.
Прикасаюсь к душе и плечу.

Мне казалось в часы моей скуки.
Что о том же скучаешь и ты.
Что твои запрокинуты руки
В октябре, когда вянут листья.

Мне казалось, что мягкого тона
Тишина твоих платий и снов,
Что ты любишь утят, анемоны
И печаль моих длинных стихов.

Мне казалось... Мне только казалось...

Мне, вернее, хотелось, чтоб ты,
Как безоблачный день, отражалась
В синеве моей первой мечты.

Но потом я подумал: «А если
Только грезам усталым моим
Силуэт в темно-розовом кресле
Показался родным и больным?

Может быть, ты безмерно чужая?
Может быть, ты печальна не тем?»
И с тех пор я боюсь... я не знаю...
Я моих не кончаю поэм...

И с тех пор начало мне казаться,
Что ты стала иной, чем вчера:
Разучилась цветам улыбаться,
Забываешь грустить до утра.

Что ты хочешь чего-то другого,
Чем мои небольшие мечты,
Что обману красивого слова
Отдаешься зачем-то и ты.

И пока я вражду с собою
И гадаю, ты та иль не та, —
Ты моею усталой рукою
Мной самым от меня заперта.

И я знаю теперь безвозвратно,
Что я больше не буду твоим:
Я мечтал о слегка непонятном,
О желаньи, скользящем, как дым;

Я мечтал о простых разговорах,
О букетах фиалок, — не роз,
Об одном только жесте, которым
Поправляют изгибы волос;

Об улыбках, как в старом романе,
В позабытом, наивном саду...

— Я найду! В этом русском тумане
Я себе небольшое — найду!

34. Упрек

Ты иногда меня почти любила;
И не сердись: я говорю «почти».
А если ты забыла, то прочти
В моих глазах все то, что ты забыла.

В томительный и длящийся узор
Не сплетены судьбою жизни наши.
Ты – отнята; но я из тех, чей взор
Допьет до дна святую горечь чаши.

Пусть будет так. Но страшен мне недуг
Моей души, привыкшей к грезе вольной.
Мой дорогой, мой нехороший друг,
Мне иногда бывает слишком больно...

И медленно, но зная все пути,
В мои глаза, покорные бессилью,
Приходит, чтобы больше не уйти,
Печаль любви, которой смяты крылья.

35. Песня русского Пьеро

За модой небо не следит,
И этой ночью, за опушками,
Свою улыбку утаит
Буаля с золотыми мушками...

И я, опаловый Пьеро,
Иду дорогой лунной, длинной,
И все кругом напоено
Моей печалью мандолинною:

И ночь, и звезд падучих нить,
И сад, овеянный жасминами...
Меня хотели не пустить
Те, что скучают с Коломбинами!

Но я в открытое окно
Ушел от вин, горящих блесками,
Чтоб было мне не все равно,
Какое небо за березками;

Чтоб зацепил паук меня
Своей вечерней паутинкою,
Чтобы до завтрашнего дня
Я шел случайною тропинкою;

И чтоб успел я где-нибудь.
Перебиваемый лягушками.
О том, что я люблю, шепнуть
Вуали с золотыми мушками.

36. В санатории

«Как снега на горах прозрачна пелена;
Как медленно внизу туманы гасят дали;
Давайте руку мне... Дойдемте до окна...
Но тише: – я боюсь, что вы уже устали...

Не правда ль, хорошо сейчас лететь стрелой
На лыжах вниз, в овраг, и дальше, в лес лиловый?
Мне доктор говорил, что этою весной
Вы будете уже почти здоровы.

Теперь же надо ждать, и терпеливо ждать,
Подушку вышивать, просматривать журналы,
И главное, себе напрасно не внушать,
Что будто бы вам жить осталось слишком мало!»

...Как снега на горах прозрачна пелена!
Но медленно внизу туманы гасят дали,
И ночь придет. Совсем. Томительно темна
Для тех, которые, быть может, не устали.

Как свечи, догорит последний, тусклый час,
Уныло-долгий гонг напомнит об обеде,
Внизу зажгут огни, – и я уйду от вас
Печальной, маленькой в своем пушистом пледе.

Мне бесконечно жаль сплетенных этих рук,
Судьбою созданных для женственной печали,
Для осторожных встреч и медленных разлук, —
Которых никогда еще не целовали...

Проходят дни. Пройдут. Меня зовут дела.
И прежние края, и та, что мне писала, —
И тонкая рука, томительно бела,
Останется одна на складках одеяла.

А там – придет весна. В последний раз снега
Зажгутся, чтоб совсем погаснуть. Вы найдете,
Что ночь мучительно и тягостно долга,
Что не заснете вы, – и вы совсем заснете...

Уйдете в странный мир, чьи яркие врата
Вам были уж давно необъяснимо зримы,
Где светлых ангелов откроются уста
Для поцелуя тем, кто не были любимы.

37

Пусть мечтал я проститься с тобой
В желтой рамке осеннего сада; —
Мы простились в гостинной, зимой;
И я понял, вернувшись домой,
Что не надо молиться, – не надо!..

Пусть я думал, что фразы разлук
С бесконечною мукой дружны; —
Мы расстались так просто, мой друг!..
И я понял с улыбкою вдруг,
Что не нужно бояться, – не нужно...

Пусть я думал, что долгую грусть
Моя жажда забыть успокоит; —
Но я помню еще наизусть! —
Этот сон... И я понял, – и пусть! —
Что не стоит бороться, – не стоит!..

38. Последняя ночь Пьеро

Я медленно вошел в непроходимый лес.
Я путь обратный свой отметил ярким мелом.
Но, раньше чем найти волшебный мир чудес.
Вернулся в прежний сад и умираю в белом.

Зачем? Мне кажется, что я б еще сумел
И ярко проклинать, и горячо молиться;
А в час, когда порыв еще и юн и смел,
Так чудно хорошо, так нужно заблудиться!

И вот уже мне жаль, что я не обречен
Найти немой дворец, таинственно желанный,
Где спит красавица, чей одинокий сон
Навеки разбудить и радостно и странно.

И вот уже мне жаль, что синий мотылек
Меня не проводил до сказочного клада,
Что навсегда теперь остался мне далек

Дворец из леденца и плиток шоколада;

Что с Красной Шапочкой, которой я не знал,
Я старой бабушке не относил обеда,
Над волком не шутил и ночью не слышал,
Как точатся ножи в избушке Людоеда!

39. Поэма о шести утятах заглохшего пруда

*Рассказанная Арлекином, живущим в старой усадьбе
вместе с Коломбиной и фокс-терьером.
(Отрывок из «Свадебного путешествия
Арлекина и Коломбины в далекие русские страны»)*

У нас – полдюжины утят,
Которые все вместе весят
Не более, чем женский взгляд.
Иль чем листок вот этих песен.

Одеты в желто-белый пух.
С чернильной кляксой вместо взгляда.
Они с рассвета ловят мух
В пруде покинутого сада.

Их жизнь безумно хороша:
Нырять! Дышать теплом и светом!
Но правда – в каждом тельце этом
Есть грусть и, кажется, душа?

Я, Коломбина и собака —
Мы знаем каждого из них:
Вот этот жалкий, странно тих,
А тот – драчун и забияка.

Тот – болен (нервы... диабет...);
Он вечно платит дань страданиям
И удлиняет свой обед,
Лечась усиленным питаньем.

Хромая, он для ловли мух
По сонной влаге дали водной
Присноровил большой лопух
Для роли яхты быстроходной.

Пусть корма полон сад и двор: —
Моряк в душе, он ищет все же
Того, что на морской простор
Немного, может быть, похоже.

Больной, далекий от всего,
Он так необъяснимо жалок!
И Коломбина для него
Кладет в лопух букет фиалок.

Особняком среди других.
Четвертый с пятым вечно вместе.
И отношения у них
Почти как жениха к невесте.

Но, позабыв о всем другом.
Для дополнения картины.
Я расскажу вам о шестом.
Влюбленном в ножку Коломбины.

Философ с желтым хохолком.
Балетоман с душой поэта, —
Он мало думает о том,
Как непослушна ножка эта!

Он так наивен, он влюблен
Так просто, так безумно мило,
Что даже не мечтает он,
Чтоб и она его любила!

Он целый день у милых ног
Проводит, робкий и неловкий,
И трет о шелковый чулок
Свою мохнатую головку.

Грустя, он сторожит чулки,
Когда хозяйка ищет броду,
И кляксой полную тоски
Глядит в мелькающую воду.

Он утром пьет *safe-au-lait*
В большой кровати, вместе с нами,
Он ночью спит в ее туфле
И душится ее духами.

И Коломбина так горда:
Она теперь почти что Леда!
Ведь сердцу женскому всегда
Приятна лишняя победа!

И только где-то под столом
Наш белый фокс ворчит сердито.
И грусть собачья о былом

В глазах полузакрытых скрыта.

Утенок! Милый! Ты украл
От нас немного Коломбины.
Но я... простил, а фокс не знал.
Что быть ревнивым нет причины!

Прелестный маленький царек.
Соті коварным опьяненный.
С душой таинственно-влюбленной
В гарем, чей евнух башмачок!..

Твои глаза любить сумели,
И я завидую тебе,
Твоей безоблачной судьбе,
Наивной, как тона постели...

О, быть любимым, — только так...
Немного... — но безумно нежно!
Как ты, не зная, что каждый шаг
Ведет к тому, что неизбежно.

Не говорить красивых фраз,
Забыть, что существуют глазки, —
Чтоб мир кончался и для нас
Гораздо ближе... — до подвязки!

Переводы

Из Роберта Стивенсона

40. Songs of travel. XXII.

Я вверх и вниз ходил на жизненном пути;
Я отдал дань всему: сомнению и вере.
Я обо всем мечтал, всему сказал прости.
— Я жил, и я любил, и я захлопнул двери...

Из А. Деренье

41-42. Из книги «Le miroir des heures»

1

Какой романский принц иль сумрачный прелат,
Наскучив сплетнями двора или конклава,
Вокруг дворцов своих громады величавой
Искусною рукой раскинул этот сад?

О чем мечтал он здесь сто лет тому назад?
О призраке любви, о блеске прежней славы?
Воспоминаньями борьбы или забавы
Туманился порой его потухший взгляд?

Кто знает? Но в тени покинутого сада,
В аллеях, где царит безмолвье и прохлада,
Осталась чья-то грусть и чей-то вздох немой.

И летним вечером так нежно и печально
Сливаются в аккорд мелодии одной
Фонтанов тихий плеск и листьев шелест дальний.

2

Сегодня ветер с моря; он порой.
Как торопящийся прохожий, вас толкает.
Лагуна мечется и в берег ударяет
Тяжелой, темною и гневною волной.

На узкой площади и звон, и свист, и вой;
Пустой сарай к дворцу пугливо припадает;
Борей рассерженный сегодня сна не знает
И в море паруса склоняет пред собой.

Когда-то, если вихрь вздымал седые гребни,
Твой лев, Венеция, рассерженный и гневный,
Над этой бездной вод стоял, смотря вперед.

Но что ему теперь их ласка иль смятенье! —
Венеция не ждет, как прежде, возвращенья
Пурпуровых галер по влаге пенных вод!

43-47. Из книги «Les jeux rustiques et divins»

М. С. Саени

1. Намек о Нарциссе

Фонтан! – к тебе пришел ребенок и в томлени
Он умер, своему поверив отраженью.
Когда губами он твоих коснулся вод.
В вечернем сумраке вдали свирель поет...
Там где-то девушка, одна, срывала розы
И вдруг заплакала... идти устал прохожий...
Темнеет... крылья птиц махают тяжелей;
В покинутом саду плоды с густых ветвей
Неслышно падают... и я в воде бездонной
Себе явился вдруг так странно отраженный...
Не потому ль, фонтан, что в этот самый час,
Быть может, навсегда в тебе самом угас,
Дерзнув до губ своих дотронуться губами,
Волшебный юноша, любимый зеркалами?

2. Cautus incautae

Подруга, берегись фессалиянки той,
Что с флейтой звонкою вечернею порой
Склоняется одна над сонными струями.
Ты золото вплела небрежными руками
В узор моих часов; но прежде, чем любить
Тебя, я должен был так долго проходить
Лесами темными и страшными, не зная,
Что встречу, яркая и нежная, тебя я!
Я, мнивший, что навек всех роз узор поблек.
Я слушал голос тот, что быть твоим не мог!
Подруга, берегись волшебницы чудесной!
Ей злые колдовства и таинства известны;
И я видал в лесу, однажды, как она
Плясала, с флейтою в зубах, обнажена;
И как она в хлеву, где козы спят устало,
Доила молоко тайком и украшала
Крапивой терпкой черного козла,
Который и тогда, когда она ушла, —
Вдыхал ее еще неуловимо, словно
Любовь моя, ее вдыхавшая греховно.

3. Фонтан с кипарисами

Фонтан рыдал весь день в лесу моей мечты.
О, знал ли я, душа, что будешь плакать ты?
Но вот вернулся я, и скоро вечер. Розы
Не обвивают кипарисов, что как слезы
Ночные отражаются в воде.
Та нимфа, что ловила в темноте
Оленя стройного с рогами золотыми, —
От фавна скрылась здесь под ветками густыми;
И раненый олень пришел испить к воде,
В которой я порой кажусь себе
Чужим, и я в твоих свои рыданья слышу,
Фонтан! и этот лес, где ветер лист колышет,
Был жизнью, где я дал охотиться мечтам,
По трижды окровавленным шипам,
За нимфой гнавшейся за сказочным оленем...
И ты, фонтан, сквозь плач смеялся нашим пеням,
Меж кипарисов, на которых нет
Тех роз, что посвятить могли бы свой букет
Воде, где кровь свою таинственно смешали
И Нимфа, и Олень, и Пилигрим печали...

4. Неумелые подарки

Ни яркие цветы, ни тихий зов свирели.
Которой говорить мои уста умели.
Ни пряники медовые в тени
Корзины круглой, ни голубка, ни
Заманчивый венок, что для нее плету я, —
Не привлекли ко мне фавнессу молодую,
Что пляшет на опушке, при луне.
Она обнажена. В волос ее волне
Оттенок рыжеватый. И мне ясно,
Что сладость пряников ей кажется опасна,
И мщенье диких пчел за мед – ее страшит;
А в памяти ее голубка воскресит
Какой-то прежний час, во мраке бывший белым...
И пенье флейты той, которая несмело
Рассказывает ей желания мои —
Напоминает ей о брошенной в пыли,
Обветренной, отеческой и славной
Сатира коже или шкуре фавна.

5

Мой конь, крылатый конь, в густой тени дремал.
Движением хвоста порой он задевал
Траву. И острием моей блестящей пики
Его коснулся я, и конь поднялся дикий,
И повернувшись на восток – заржал.
И на него верхом вскочил я и сказал:
Идем, уже заря, и час рассвета близок!
Я знаю шум дорог и тишину тропинок,
Где камни катятся иль стелется трава.
Идем, нас ждут леса и моря синева,
И тот фонтан, где пить мы будем в час заката,
И сказочный дворец, где в стойлах из агата
Хрустящий, золотой тебе готовят корм...
– И мы отправились, Пегас! Но с этих пор,
Горя в часы зари и к ночи потухая,
Мы остановлены дверьми, что не сломают
Удары мощные божественных копыт.
Засовов и замков резных не сокрушит
Удар моей руки и пики, и напрасно,
От шеи до колен омытый пеной красной,
Ты бьешься об утес преграды роковой,
И от рассветных зорь до темноты ночной
Вздымаешь в бешенстве мучительных усилий
То мрак, то золото своих разбитых крылий!

След жизни

Моей жене

48. Долг моего детства

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла музыка в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье.
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире.
Ей улыбался, и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Все это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажу,
И Город муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей – ты.
1949

49. Моя рука

Моя рука – день ото дня старей.
Ее удел с душою одинаков.
Немногое еще под силу ей:
Стакан наполнить, приласкать собаку,
Сиреневую ветвь ко мне нагнуть
(Ее сломать ей было б тоже трудно),
Да записать стихи, да изумрудной
Студеной влаги с лодки зачерпнуть.
И это все. Но в скудости такой,
Овеянной вечернею прохладой,
Есть вечности целительный покой.
Есть чистота... – и лучшего не надо!
И хорошо, что силы больше нет
У встречной девушки украсть объятье.
Степному зайцу выстрелить вослед.
Солгать товарищу в рукопожатьи;
Что нетерпенье юности моей
Сменила мудрость осторожной дрожи...
Пусть ты слаба и с каждым днем слабей.
Моя рука, – ты мне такой дороже!
Вот на тебя смотрю я без стыда,
Без горечи... и радуюсь невольно,
Что ты уже не можешь сделать больно
Отныне никому и никогда.
1947

50

Вот уж осень ставит свой росчерк
Под законченной книгой лета,
И она просиявшей рощей
В золотой переплет одета.

И оттиснуты на сафьяне,
Перелетною стаей, птицы.
Зимним вечером, на диване,
Перечтем мы ее страницы.

Вспомним ивы, овсы, малину
Между пнями на солнцепеке,
Бархат полночи соловьиной,
Колокольчик голубоокий.

Знать, писалась непонапрасну!
Ведь досталось и нам немного
Чистой радости, ласки ясной —
Дорогого подарка Бога.

Ничего, что и жизнь, как птица,
Улетела, пропала где-то...
В самом сердце – ее страницы.
Перечтем же их! Вспомним лето!
1949

51

Снова ночь и снова сердце плачет,
И тихонько кто-то говорит:
– Милый! Это ничего не значит!
Пусть немного сердце поболит!

Посмотри: ведь для такой же боли,
Взмаха затупившейся косы,
И пшеница шелестела в поле
Золотом несжатой полосы.

Чтобы после корочкой хрустящей
Всех она порадовать могла,
Став еще душистее и слаще,
Чем она нескошенной была.
1949

52. Возвращенье

Смерть придет, так непременно надо.
Не страшись ее прикосновенья!
В ней не наказание, в ней – награда,
Не исчезновенье, – возвращенье.
Разве ты не странником гонимым
Мерил жизнь, земного отпил горя?
Разве ты по родине любимой
Не скучал? – по той, за синим морем...

Вот уже и мягкий берег – старость.
Щебень больше ног твоих не ранит.
За тобой спешит по волнам парус!
Будь же весел, будь же счастлив, странник!
1948

53

Елочка с пятью свечами,
Без игрушек и сластей,
Робко льет скупое пламя
В нишей комнате моей.

Ах, не так же ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом
Не украшенный ничем!

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скупыми,
Что Он сам во мне зажег.

И мою пуская душу
В путь, намеченный едва,
Сам же скоро и потушит, —
До другого Рождества!
1947

54

Мой дорогой! Меня жалеть
И утешать меня – не надо!
Поверь: мне так легко стареть!
И сердце словно даже радо.

Все стало нынче для меня
Совсем по-новому понятно.
Как будто от заката дня
Я к утру повернул обратно.

И снова солнце на восток
Струит свой путь благословенный.
И тленьем тронутый цветок
Вновь распускается, нетленный.

И мне опять идти легко.
И в сердце – светлое волненье.
И вот совсем недалеко.
Уже не сон, а пробужденье
1949

55. След жизни

Люблю читать на первом снеге
Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
Тут уходил он от беды,

Там он сидел, прижавши уши,
Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
С березки сладкую кору.

И на душе тепло и славно.
И я, не открывая глаз.
Читаю этот своенравный.
Наивный заячий рассказ.

И думаю: быть может, Кто-то
Моих неизгладимых лет
С такой же милою заботой
В моей душе читает след.

И все, что мне цвело так дивно,
Так пело сердцу и уму,
Такой же повестью наивной
Наверно кажется Ему!
1945

56

Легкокрылым Гением ведомы,
Улетели птицы за моря.
Почему же мы с тобою дома
Этим хмурым утром ноября?

Может, нужно было взять котомку,
Палку, флягу, пару верных книг,
И пуститься ласточкам вдогонку,
Через лес и поле напрямик!

Только тем, кто медлят, невозможно
Причаститься радостей земли.
Через все шлагбаумы, все таможни
Невидимками бы мы прошли.

И наверно б вышли мы с тобою
Завтра утром к розовым камням,
Тонким пальмам, пенному прибою —
Золотым благословенным дням

И наверно самой полной мерой
Было б нам, дерзнувшим, воздано
За крупицу настоящей веры, —
За одно горчичное зерно.
1949

57

Все мы нынче, так или иначе,
Ранены стремительной судьбой.
Но пока один зовет и плачет —
Говорит, к нему склонясь, другой:

Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.
1949

58

Мария!
Иоан. 20. 16

Моя душа – что мироносица
Перед разверстою гробницей:
К заветнейшему чуду просится —
И лицезреть его боится.

О, маловерная! Проникнуты
Боязнью все твои стремленья!
И если не была окликнута —
Ты не упала б на колени!
1949

59

Прозрачным сном прекрасна ночь моя.
Мне, пробудясь, листать не нужно сонник,
И круглым хлебцем радость бытия
Кладет мне утром Бог на подоконник.

И посолив отрезанный ломоть
Дневной заботой, болью и тревогой,
Прияв опять мою земную плоть,
Я дальше мерю долгую дорогу.

И с каждым днем она понятней мне:
В ней поровну всего! И я доволен
Не только тем, что хлеб в моей суме,
Но также тем, что этот хлеб – присолен.
1949

60

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить.

Если мальчик бредет из школы
И, насупившись, смотрит вбок —
Подари ему нож веселый,
Смастерить ружье и свисток.

Если девушка на рассвете
Замолчит на твоей груди.
Как молчат, наигравшись, дети —
Через жизнь ее проведи.

Это все, что во славу Бога
Можешь сделать ты на земле.
Это мало и это – много.
Это – словно цветок в скале.
1948

61. Нежность

Нежность душная сердце жжет
Ко всему, что живет и дышит,
Норы роет и гнезда вьет,
Плод лелеет и лист колышет.

Так и взял бы весь мир себе,
Крепко к сердцу прижал, ликуя!
Только в нищей моей судьбе
Где мне силу найти такую?

Знаю: после, когда я сам
Перестану быть только тленьем,
Этим жадным моим мечтам
Отыщу я осуществленье.

А пока... А пока я здесь
Обречен лишь внимать и видеть,
Хлеб украденный молча есть,
Огорчаться и ненавидеть...

Отпусти же меня скорей
В тишину Твоей звездной рощи,
Где заветной мечты моей
Ничего нет легче и проще!
1947

62. Радость

Пусть дано тебе жизней много.
Но сейчас ты живешь одну.
Пусть она только слог, но слогом
Строишь слово. Служи ему.

Строй его хорошо и просто.
Как в горах одинокий дом.
Пусть доска и пила, как сестры,
Породнятся в труде твоём.

Будь расчетлив в числе и мере,
Не волнуйся и не спеши.
А построишь — над низкой дверью
Надпись четкую напиши.

Чтобы люди, прочтя, узнали,
Что в рабочие будни дней
Жил ты в радости и в печали,
Но что радость была сильней.

Что ее ты, входя сегодня
К ней хозяином на порог,
Не украл, не купил, не поднял —
Сам сработал и уберег.
1948

63. Чудо стебля

Вглядись в упругий стебель ржи.
Пойми его. И после, ночью.
Себе же сам перескажи
Все то, что увидал воочью.

Расчетам всем наперекор
И всем наперерез законам,
Стремит он в солнечный простор
Свою отвесную колонну,

И замирает, увенчав
Ее тяжелой капителью.
Какая кладка кирпича
С такою совладала б целью?

Какой бы выдержал бетон
Такие трепетные взлеты?
Он был бы рухнуть обречен,
Дворец, закинутый в высоты!

И где бы отыскался тот,
Постигший все науки, гений,
Что хоть расчислил бы полет
Его легчайших сочленений?

А он – построен и стоит,
Нерукотворен и чудесен,
И о нездешнем говорит
Стройнее самых стройных песен.

И так обычен он в своем
Величии необъяснимом,
Что ты пригожим летним днем
Проходишь равнодушно мимо.

Ты скуден скудостью земной.
Не веришь ни в какое чудо...
А вот оно перед тобой.
Спокойным вестником «оттуда»!

Свидетелем, что есть ответ
На горечь всех твоих сомнений.
Что там, где строит вечность, нет
Невыполнимых вычислений.
1949

64. Жизнь

Это все гораздо сложнее,
Чем в мудрейшей из наших книг.
Жизнь твоя... – ты сроднился с нею,
Как к любовнице к ней привык.

Ездишь с нею по ресторанам,
И закуливаешь, не спросясь,
И на коврик ее медвяный
На ботинках приносишь грязь.

А она? Для нее названья,
Как ни бейся, не подберешь!
В ней и вечности замиранье,
И мгновенья живая дрожь.

В ней – минувшего тяжкий камень,
И грядущего легкий пар.
Зачарованными путями
Пролегает ее тропа.

Светят солнца в нее и луны,
И пронизывают ее
Золотые, тугие струны —
Мира звонкое бытие.

И совсем не словами – песней
Говорит, наклоняясь к ней,
Светлоликий, крылатый вестник,
Верный спутник судьбы твоей.

И от этих сияний звонких,
Этих песен, блужданий, встреч
Обессилев, она ребенком
Хочет рядом с тобой прилечь.

С ней бы надо, как с самой хрупкой,
Самой кроткой и чистой быть,
Озабоченною голубкой
Над ее головой кружить;

Отдыхать на плече покорном,
Словно в бурю на берегу,
И клевать золотые зерна
Из ее приоткрытых губ.
1949

65. Поединок

В этом замке все уже давно
Язвой тления поражено.

Бледно-розоватая стена
Празеленью мутной солона,

Солнечных часов хромой паук
Полустертый вяжет полукруг.

Статуя с отбитою рукой
Сторожит свой собственный покой.

И морщинами со всех сторон
Трещины змеятся вдоль колонн.

Никого не любят здесь, не ждут.
Смерть как будто торжествует тут.

Но вверху на каменном гербе.
Ласточка гнездо свила себе.

Но у входа тяжкая плита
Корнем дерева приподнята.

Но зимой в сиреневую рань.
Мох со статуй сглаживает лань.

А кругом в снегу бежит, таясь,
Заячьих следов живая вязь.

Новой жизни свежие ростки
Здесь повсюду внятны и близки.

Пусть еще несмелая, она
С виду беззащитна и нежна.

Но в веках она переживет
Твердость скал и неизбытность вод.

Слабую, беспомощную плоть
Крепче камня сделал нам Господь.

С каждым летом камни хрупче тут,
Но пышней азалии цветут.

И весенней ласточки слюна
В беге дней прочнее, чем стена.

Нетерпением тела и души
Подгоняемая, жизнь спешит.

Стройным сыном, словом и мечтой
Жизни ты навек причастен той.

Не пугайся тленья и могил.
Навсегда бессмертен тот, кто жил!
1947

66. Памяти горьких лет

Не сейчас! – в Христово Воскресенье,
Под адриатический прибой,
В померанцевых садах Мантеньи
Было бы нам встретиться с тобой!

А на самом деле: ночь и стужа,
Степь и паровозные гудки.
Перед фонарем снежинки кружат —
С наших мертвых яблонь лепестки.

В обреченные, дурные годы
Мы с тобой, любимая, живем...
Почему же в эту непогоду
Все-таки нам хорошо вдвоем?

На твоей щеке снежинки тают,
И рука под шубкой горяча,
А висок так сладко отдыхает
В узкой ямке твоего плеча.

Скрипнули и заскулили оси...
Вот мы снова в безымянный путь
Равнодушные тела уносим,
Забывающие отдохнуть.

Потерпи еще немного! Вскоре
Мы проснемся в странной тишине.
Взглянем – и внизу увидим море
С парусом на голубой волне.

Побежим к нему крутой тропинкой
Сквозь притихший сад, где там и тут
Ящерицы с изумрудной спинкой
Золотые грозди стерегут.

Задыхаясь, ступим на горячий,
Жемчугом унизанный песок, —
И пойдем... и так легко заплачем,
Как я в детстве только плакать мог.

А оставленные нами трупы
Выкинут соседи на ходу.
Разве им понять, слепым и глупым,
Нашу радость и свою беду?

Разве мы вернемся и расскажем,
Что мы белым парусом плывем,
Белой пеной ворох кружев вяжем,
Свежим ветром в облаках поем?

Потерпи еще, моя родная!
Нам уже совсем недалеко
До почти немислимого рая,
Где светло нам будет и легко!
1946

67. Просьба

В день, когда уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже, —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то, юный.
По весенним рощам я бродил.
Рвал черемуху и трогал струны.
Провожал серебряные луны.
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил.
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дальней.
Ни одной тосканской колокольни.
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною.
Отзвенели бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Все, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце все это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.
1946

68. На побывке

Вот с тобой мы снова на побывке
На далекой родине-земле.
Перед нами мутные опивки
В неуклюжих кружках на столе.

Где мы это? Верно на вокзале?
Все спешат, повсюду грязь и пыль...
Хорошо, что мы с собою взяли
В дальний путь заветную бутыл!

Приложись к напитку золотому
И соседу предложи глоток.
Он не хочет? Не привык к такому?
Говорит, что он ему не впрок?

Есть обратный поезд в 9.20,
Это лучше, чем в 17.06.
Будем понемногу собираться...
Все равно не оставаться здесь!
1949

69. Царскосельский сон

В пустынных парках Царского Села
Бредет, стена, осеннее ненастье...
Мне страшно здесь! Здесь юность солгала,
Растаяв первым и последним счастьем;

Здесь призраки свиданья длят свои,
Здесь мертвецы выходят из могилы,
Здесь ночью гимназиста лицеист
Целует в окровавленный затылок;

И гимназистка, в узком ремешке
Пенал и книги на бегу роняя,
Спешит в изнеможеньи и тоске
И двух, вперед ушедших, догоняет.

И почему-то вдруг опять весна
И белой ночи вещее молчанье...
Но призраками бредит тишина.
О них тоскуют дремлющие зданья.

О если б кто проснулся наконец.
Упал бы стул, заплакали бы дети!
И горько кипарисовый ларец
Благоухает в строгом кабинете.

Лишь отрок, у окна встречая день
(Ему не нынче было бы родиться!),
Не спит, и царскосельская сирень
К нему слетает песней на страницу.

О, призраки! О, царскосельский сон,
Пронизанный и радостью и мукой!
Кто зрит его, того связует он
Безмолвной и торжественной порукой!

Не та же ли судьба повторена
В трагическом содружестве поэтов?
Не та же ль казнь? И нету в мире сна
Страшнее и прекраснее, чем этот!
1947

70. Дом

На краю поселка, у обрыва,
Там, где сваливают всякий сор,
Он стоит большой и некрасивый,
И ничей не радует он взор.

Все ступеньки у крыльца отбиты,
Дверь забита наискось доской,
Из ворот, что широко открыты,
Веет тленью, гарью и тоской.

Пятна стены испещрили густо.
Трещины, как раны, глубоки,
Окна смотрят мертвенно и пусто,
Как слепой сквозь темные очки.

Все мне кажется, что здесь убили,
Что когда-то здесь на чердаке
Девочку подушкой задушили,
Труп вдоль стен проволокли к реке.

Что отсюда словно на кладбище
Отвозили девушек к венцу,
Хлеба здесь не подавали нищим,
Топором здесь сын грозил отцу.

Это было здесь и это будет —
Так уж, видно, повелось тут.
И всего ужаснее, что люди
В этом доме и сейчас живут!

И торопишься скорее мимо,
Словно он – звено в твоей судьбе,
Словно нити ужаса незримо
От него протянуты к тебе.

И в полях, где золотится лето,
В рощах, убегающих к реке,
Молишься о доме неотпетом —
О несчастном нашем двойнике.
1945

71

Ночь была такою тяжелою,
Словно я ее нес века.
Неподвижным, студеным оловом
Наклонилась ко мне река.

И усилъя не надо было бы.
Чтоб сомкнулась над головой.
И никто б никогда не выловил
Захлебнувшийся голос мой.

И когда бы не ты орешником
Обхватила меня за грудь.
Было б все, как давно обещано, —
Как и будет когда-нибудь.
1948

72

Н. С. Гумилеву

Как валежник сухие годы
Под ногою хрустят мертво,
Волчьей ягодою невзгоды
Обвивают истлевший ствол.

И сквозь голые сучья небо —
Словно треснувшая слюда.
Все чужое: краюха хлеба,
Сеновал, скамья и вода.

Дай мне руку! Как никогда ты
Мне, учитель, нужен сейчас,
В час бессмысленнейшей расплаты,
В обнаженный, как череп, час.
1945

73. Двойник

Я стою у своего же дома
И я вижу, как в моем окне
Свет горит и силуэт знакомый
Иногда мелькает на стене.

Это я брожу там на рассвете.
Говорю с собою наяву
Письма жгу и мертвого поэта
На свиданье страшное зову.

Темнота на улице безлунной.
Лишь одно окно слепит и жжет.
И на нем решеткою чугуновой
Стынет рамы черный переплет.

Я давно уж сам себя покинул.
Через свой порог перешагнул.
Я давно уже из сердца вынул
Ржавой жизни жесткую иглу.

Но остался жить на этом свете
Меж бессонниц, призраков и книг,
За меня перед людьми в ответе,
И чужой и близкий мне двойник.

Он тоскует. Он напрасно множит
Обреченные уже пути.
Он ломает руки и не может
Ни остаться в мире, не уйти.

И не знает он, что близко где-то
Я стою сейчас на мостовой,
Богом и прощенный и согретый,
Навсегда свободный и живой.

Чем теперь могу ему помочь я?
Забрести лишь разве на огонь.
Да на лоб горячий злою ночью
Положить прохладную ладонь?

Но меня всегда невольно тянет.
Как преступника в забитый дом.
Подглядеть, когда ж он перестанет
И бродить и плакать за окном.

Может, он уж раздобыл в дорогу
Непахучий белый порошок
И, тая смертельную тревогу,
Делает мучительный глоток?

Подожду я, улицу померю,
А когда затеплится рассвет,
Постучусь я у знакомой двери
И узнаю, жив я или нет?

Если нет – не надо будет боле
Ни следить, ни слушать, ни жалеть,
И уйду я свежим ветром в поле —
Золотой пшеницей шелестеть...
1947

74. Чужие

Мы нехотя бродили по дорогам
За это к нам неласковой земли,
И потому, наверно, так немного
Земного счастья в сердце сберегли.

Мы здесь чужие. Нам ничто не любо, —
Деревья только, скалы, облака,
Гексаметра серебряные трубы.
Да тихий лад пастушьего рожка.

Куда идти? Последний вечер тает.
Последние малиновки поют.
И время только смерть нам предлагает —
Нестрашный, но неверный свой приют.
1946

75

На сухом полотне заката —
Сок вишневый и бирюза.
Отожгло, отошло куда-то...
Можешь снова открыть глаза.

Можешь вновь в колеях дорожных
Оброненную жизнь искать,
Терпеливо и осторожно
Можешь пыль шевелить опять.

Только что подберешь ты, нищий,
На распути пустых дорог?
Разве вечером ты отыщешь,
Что с утра ты не уберег?

И одно лишь тебе осталось:
Сесть на камень и молча ждать
Отпускающую усталость —
Смерти горькую благодать.
1946

76

В этом доме мы с тобою жили.
До него свой дотянув возок.
Здесь мы с безнадежностью дружили.
Нищее богатство сторожили.
Берегли вечерний огонек.

Сторож бродит по небу двурогий.
Стынет в речке мертвая вода.
Черный вестник медлит на пороге...
И не будет более дороги
Нам с тобой отсюда никуда.
1946

77

В осадке жизни, выпитой до дна.
Уже совсем не чувствуешь вина —
Лишь оцета в нем вяжущая прелость.
И для того она тебе дана.
Чтоб больше пить тебе не захотелось.
1949

78. Лишний

Как собака из лужи пьет.
По колючим помойкам рыщет —
Так и он свою жизнь живет.
Свое нищее счастье ищет.

Знает трусость и знает злость.
Знает, жгучее раз от разу,
Как прекрасна простая кость,
Кем-то вываренная до отказа.

А умрет он, как клячи мрут
На ноябрьской крутой дороге:
Напоследок лишь отпрягут
Да немного откатят дроги.

Сунут сена ненужный клочок
К морде, тронутый пеной алой,
Да шлею под шершавый бок...
Пожалеют еще, пожалуй!

И останется лишь дымить
Лужа крови в снегу дорожном...
Скажешь: можно ль так жизнь прожить?
И оказывается — что можно.
1947

79. Предсмертное

Мы чтили волю Господню,
Зачем же Он нас отверг?
Несешь свою жизнь сегодня,
Как свечку в Страстной Четверг.

Ладонями заслоняешь,
Не разгибаешь плеч,
Не дышишь, едва ступаешь,
И знаешь – не уберечь!

Все злей и бесповоротней
Давно обреченный путь,
И каждая подворотня
Грозит мою жизнь задуть.

И страшно будет и просто:
Мгновенье – и без борьбы
В руке на копейку воска.
Огарок моей судьбы.

А что перед Божьим ликом.
Волнуясь, она цвела.
Внимала словам великим.
Сама их шептать могла.

Что луч ее, хоть неярк,
Но все же сиял во тьму, —
Холодный найдя огарок,
Не вспомнят и не поймут.

Лети же, мой пламень малый,
Обидам кончая счет,
Беспомощный и усталый,
В провалы мирских пустот!
1945

80. Дунайская зима

Припорошены снегом ели,
Ручеек звенит подо льдом...
Не томись, не считай недели,
А живи себе еле-еле,
Ледяной свой лелея дом.

Ах, иного ты не построишь!
Да и нужно ли? Все равно
Этим сердце не успокоишь,
Не согреешь и не укроешь —
Будет зябнуть всегда оно.

Так прими же, благослови же
Эту россыпь богатств скупых,
Этот край, что отныне ближе
Весен в Риме и зорь в Париже —
Никогда не жалею о них!

Он дается тебе в забвенье
Пестрой жизни веретена:
Вдохновенья и нетерпенья.
Пиршеств духа и чувств смятенья —
Весь прохлада и тишина.

Подчинись его ласке строгой.
Завтра той же, что и вчера,
Поброди, помечтай немного,
И домой отыщи дорогу.
Вечереет уже. Пора.
1945

81. Болдинская осень

Я мертвым был. На тройке окаянной
Меня в село безвестное свезли,
И я лежал в могиле безымянной,
В чужом плену моей родной земли.

Я мертвым был. Года сменяли годы.
Я тщился встать и знал – я не могу.
И вдруг сейчас под легким небосводом
Очнулся я на голубом снегу.

Ужели спала с глаз моих завеса,
И я могу с сухого снега встать,
И выпал пистолет из рук Дантеса,
И бег мгновений обратился вспять?

И вот иду я узкою тропюю,
Лицо свежит неторопливый дождь,
И Болдинская осень надо мною
Златит листву у придунайских рощ!
1945

82. Нищая весна

Я бродил по талым косогорам.
Мартовскую слушал тишину
И в кустах над ручейком нескорым
Повстречал я нищую Весну.

Шла она почти совсем нагая.
Кутаясь в туманы и дожди.
Осторожно ветки раздвигая
И пути не зная впереди.

Но уже каштановые пряди
Золотом сквозили на ветру
Но уже прибавился в наряде
Пролесок, расцветший поутру.

Подошла ко мне и застыдилась.
Руки уронила и ждала.
Только быстрым взглядом заслонила.
Но прохладных губ не отняла.

Я сказал ей: пусть тебя другие
И умытой и нарядной ждут.
Косы заплетающей тугие
Майским днем в сиреновом саду!

Ты мила мне именно такую:
Неуверенной в себе самой.
С незаплетенной еще косою.
С удивленных глаз голубизной.

И беспомощной, и виноватой.
И не знающей, вперед спеша,
Что сегодня утром для меня ты
Первым поцелуем хороша!
1945

83

Гостили мы на острове зеленом,
Среди акаций, уток и камней,
Лишь кампанилы легким перезвоном
Стучались в тишь апрельских этих дней.

Была скамья на берегу залива,
А рядом с нею – ивы и лужок.
И, выкупавшись вместе с нами, ивы
Опять, кряхтя, вращали в бережок.

Те дни прошли. О, как их было мало
И как они все были коротки!
Скупая горсть, которой нехватало
Ни для твоей, ни для моей руки.

И, уезжая, с борта парохода
Глядели мы, волнение затая,
На аметистом тронутые воды
И бережок, где ивы и скамья.

...Не так ли вот, в каком-нибудь апреле,
Пускаясь в путь на легком корабле,
Мы разглядим скамью, где мы сидели,
Когда с тобой гостили на земле?
1948

84

Плачешь ты и просишь ты о многом.
И не знаешь, что мечта твоя
Как невеста медлит за порогом
Твоего земного бытия.

Переступишь – и к тебе прижмется.
Самой нежной женщины нежней.
И уже ни плакать не придется.
Ни жалеть – так сладко будет с ней.

Будь же мудрым! Не проси, не требуй!
Скоро, скоро к суженой придешь,
И сухой кусок земного хлеба
Золотистой вечностью запьешь!
1948

85

Вот стоишь, такая родная,
В старой шубке, в простом платке,
От обещанного нам рая
Держишь ключик в пустой руке.

Выйдем снова вдвоем в дорогу!
Вечереет, дымят холмы.
Нам идти уж совсем немного —
Ничего, что устали мы.

Лишь бы только не разлучило
Нас ничто на глухом пути,
Лишь бы вместе хватило силы
До Высоких Дверей дойти.

Дай, друг друга мы перекрестим.
Как привыкли уже давно.
А что нас туда пустят вместе —
Это, милая, решено.
1947

86

Как в плотной грозди виноградной
Две виноградинки порой
Теснятся бережно и жадно —
Так в этой жизни мы с тобой.

Нам свет от одного сиянья
И тень от одного листа,
И тем же чистым ожиданьем
Тугая мякоть налита.

И украдет ли нас прохожий,
Иль осы выпьют, иль легка,
Нас срежет Отчая Рука —
Мы в смерти неразлучны тоже.
1949

87

Мне в веках тебя не прославить,
Ни Лаурой, ни Беатриче,
И придется, видно, оставить
Этот славный земной обычай.

Но когда прочитают люди,
Как мне звезды в ночи светили,
Как меня эти звезды любят —
Эти звезды мои не ты ли?

И когда расскажу еще я
О весне, на тебя похожей.
О веселом, как ты, прибое —
Это будешь не ты ли тоже?

Так и жить тебе, жить вовеки,
Не любовницей, не женою,
Не стихами о человеке,
А о звездах и о прибое.
1949

88. Прохлада

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачней осени моей.

Пусть стали медленней движенья,
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки,
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самим собой.
1947

89. На кладбище

Мы уже всюду были,
Хочешь – зайдем сюда?
Тесно нас обступили
Холмики в два ряда.

Каждый из них украшен
Лилиями в цвету.
Ласточка пьет из чаши
Каменной на лету.

В церкви звонят к вечерне...
Надпись везде одна:
Золотом или чернью —
Сроки и имена.

Видишь, как мало надо
Времени и пути.
Чтоб до простой ограды
С жизнью вдвоем дойти!

Тени кругом сгустились.
Даль – в предвечерней мгле.
Может быть, загостились
Мы на своей земле?

В мире о нас забыли,
Дома – давно не ждут...
Мы уже всюду были!
Хочешь остаться тут?
1948

90

Бродя весной по солнечным дорогам,
Что паутинкой по холмам легли,
Так хорошо беседуется с Богом
В скупых просторах неба и земли.

Он слышит все. Он отвечает редко:
Дыханьем ветра, шелестом травы,
Да иногда черемуховой веткой
Совсем легко коснется головы.

Но в скудных знаках медленной беседы
Красноречивой столько красоты.
Что чувствуешь: ты лучшее изведal.
Что в этой жизни мог изведать ты.

И вот идешь... Глаза сияют счастьем.
Душа звенит, как горный ключ чиста.
И ароматом первого причастья.
Как у ребенка, тронуты уста.
1946

91

В круговращеньи мудром бытия
Не каждый ли другому предназначен?
И, верно, трапезой служу и я
Взыскательному ангелу. Он мрачен,
Когда я не даю ему вкусить
Плодов моей души: любви, смиренья,
Иль обрываю судорогой тленья
Заветной завязи живую нить.
И светел он, когда свои ростки
Я ввысь стремлю, все легче, все отвесней,
И позолоченную солнцем песню
Роняю в горсть протянутой руки.
И мне за то, заботливый, он сам
Бесчисленную милость расточает:
Мои сухие ветки обрезает
И бережет от вора по ночам.
И горную струя мне благодать, —
То знойный луч, то ясную прохладу, —
Меня готовит яблонею стать
В густых садах Невидимого Града.
Так мы живем, свершая тот закон.
Который каждый ищет и обрящет, —
Я – деревце, садовник добрый – он, —
В просторах вечности плодоносящей.
1948

92. Путь к любви

*Назначение земли – стать планетой Любви:
Рудольф Штейнер*

Все в жизни к нам приходит через боль,
Все лучшее – сперва томит и мучит.
Суровый ангел совершенству учит.
Создать себя – нужны армады воли,
Помноженных на бездны и на кручи.
Неисчерпаема земная соль.
Мы выстрадать должны свои творенья:
Ребенка, истину, стихотворенье.

Когда-то в мир, где мы живем сейчас,
С болезненным упорством, неумело,
Как зуб прорезывалось тело.
И то, что нынче пиршество для нас,
В чем красота и радость без предела:
Живые звезды наших ясных глаз, —
К Познанию мира открывая двери,
Миллионы лет нам проедали череп.

Вот и сейчас: для будущих времен
Мы копим клад – его зовут Любовью.
Он нас томит неумолимой новью,
Он едкой раной в душах погребен.
Мы покупаем блеск его и звон,
Расплачиваясь плотию и кровью,
Но царское богатство, как песок,
Сквозь пальцы льется в пыль земных дорог.

Пока еще, как по тяжелым плитам.
Шагаем мы, не признаваясь в том,
По брошенным, обманутым, забытым,
Растленным (и задушенным потом!).
Мы давим губы искаженным ртом,
Мы дремлем рядом с нами же убитым,
Мы палачами по чужим домам
Проходим. Никого не жалко нам!

Но в дрожи рук перед бегущей ланью,
Но в птице, выпущенной из силка,
В сиянии обойденного цветка,
В слезах разлуки, в трепете свиданья,
В ломте, отрезанном для бедняка,
И даже в самом жалком обладаньи,

Коверкающем судорогой рот, —
Скупой росток грядущего живет.

Так будем же, как пчелы, терпеливы
И соберем по капле трудный мед!
Насытить мир – придет его черед.
Пускай потом, когда-нибудь, счастливый,
Его другой в самом себе найдет,
И повседневностью сочтет красивой,
И не поверит, все познав сполна,
Каких мучений стоила она.

...Дымят закаты. Пламенеют зори.
Отцветших дней минует череда.
Плодом созревшим падают года.
Века плывут ладьею на просторе.
Тысячелетий ясная гряда
На горизонте замыкает море.
Мы можем ждать. Мы ждем уже давно.
Любовь – придет! Когда? – не все ль равно!
1947

93. Рапсоды

По деревням Нормандии и Тоскан,
По площадям Валенсии и Брюсселей,
Сняв башмаки и запылив кафтан.
Они бродили, медлили и пели.

Кругом клубилась распря и война.
Ползла чума и ластилась проказа.
Но струйкой ароматного вина
Сочилась вязь чудесного рассказа.

И меж пирушек, стычек или месс
Мы слушали пленительную повесть
О том, как ведьмы портили принцесс
И рыцари с драконами боролись.

И райских птиц жемчужные хвосты
Нам радугами пронизали мысли,
И ожерелья яблок золотых
Неугасимо в памяти повисли.

Мы умерли. Но смерть не ранит нас —
Всего лишь только новой жизнью метит,
И снова в мир вернулись мы сейчас
Дослушать сказку прерванных столетий.

И лишь сейчас мы разгадать смогли
Ее язык и образ потаенный:
Нам символами духа расцвели
Принцессы, феи, ведьмы и драконы.

И мы идем не ошупью уже,
И видим мы и слышим мы иначе,
И рыцарь-вечность на коне-душе
От жизни к жизни рядом с нами скачет.

Но обретенным знанием своим
Делиться должен каждый в мире сущий.
И наша очередь теперь другим
Дать обещанье радости грядущей.

И мы слагаем песни и, таясь.
Бредем от человека к человеку
Сквозь темноту и боль, и кровь, и грязь —
Рапсодами трагического века.

Прислушайтесь! Всего вам не понять!
Еще ваш мир для наших молний тесен!
Но день придет: на землю вы опять
Вернетесь с сердцем, полным наших песен!

И все тогда постигнете сполна!
И ваш черед придет поведать людям,
Что в будни мира тайна вплетена,
Которой все мы, все причастны будем!
1948

94. Ангелы

Бойся падших ангелов! В толпе
Ангелов – не все к нам благосклонны.
Есть такие, что как червь в крупе,
Роются в душе твоей смущенной.

Точат потаенные пути
В чистые, заветные глубины,
Чтобы, в пыль их зерна превратив,
Липкую оставить паутину.

Падший ангел – он тебя бедней,
Потому и кормится тобою.
Словно к горлу, к совести твоей
Присосется жадною губою.

Иль твою откормит щедро страсть.
Все, чем сердце суетно и глухо,
Чтоб потом полакомиться властью
Свежую убоиною духа.

Он тебе является, паря
В силе, славе и великолепии,
Только горе! если за наряд
С плеч его отдашь свои отрепья.

Настоящий ангел твой незрим,
Подойдет – листа не заколышет.
Будто ты и не встречался с ним!
Будто вовсе он тебя не слышит!

Он тебя не балует ничем,
Строг к тебе, суров порою даже.
Лишь когда отчаешься совсем —
Незаметно путь тебе укажет.

И когда (в лазурь из темноты!)
Он тебе откроет двери рая —
Вскрикнешь ты в смятении: «Это ты!
Я тебя давно и странно знаю!

Ты скрывался с моего пути,
Ты молчал, когда я звал на помощь!
Думалось: ну где же мне дойти,
Жалкому и нищему такому!

А теперь передо мной расцвел
Этот край, безоблачный и светел!
И что ты меня сюда привел,
Веришь ли, я даже не заметил!»
1948

95. Апостолы

Они взволнованы. В глазах лучистых —
Неистребимой радости печать.
Их речь порывиста, движенья быстры.
Им нужно столько сделать и сказать!

Они торопятся. Им жизни мало.
И мир им мал. По россыпям морей.
По караванным тропам, перевалам —
Они спешат. О только бы скорей!

Дойти! Сказать! Поведать всей вселенной,
Всему, что просит, ищет и зовет,
Живую повесть истины нетленной,
Предвозвестить Благоприятный Год!

Они свидетели. Они видали.
Пред взором их в те дивные года
Калеки шли и мертвецы вставали,
Сиял Фавор, вином цвела вода.

И где-нибудь под деревянной ложкой
В пустой суме, между истлевших швов,
Еще, быть может, залежалась крошка
Когда-то Им надломленных хлебов.

И потому их слово непреложно,
И углем жжет их вдохновенный взгляд,
И даже невозможное возможно,
Когда они об этом говорят.

Они не лгут! И наше утешенье,
Глоток тепла среди житейских стуж —
Поверить в их высокое волненье,
В свидетельство их потрясенных душ.

И их рукой отпущенное слово.
Через века свой пролагая путь.
Летит, поет, всегда свежо и ново,
И белой птицей падает на грудь.
1948

96. Всевышнему

Свет горит во мне и надо мною —
Мрака нет и нету пустоты!
Звездным небом и моей душою
Ты твердишь, что существуешь Ты!

Как слепой ребенок, от рожденья
Материнского не зная лица,
Все-таки запомнил шепот, пенье,
Бережной руки прикосновенье,
Теплоту и нежность без конца, —

Так и я тебя, не видя, знаю;
Разуму земному вопреки,
Я Твое дыхание ощущаю,
Песню слышу, шепот понимаю,
Чувствую тепло Твоей руки.

Милостив ко мне Ты бесконечно:
Ты тропинку мне даешь в лесу,
В море – ветер, в небе – пояс млечный,
В поле – зреющую полосу.

Ты прекраснейшую из любовей
В сердце мне, как радугу, зажег,
Мир огромный показал мне внове,
Песенное дал биенье крови
И не раз простил и уберег.

Как же я Твое не вспомню имя.
Сущего, Тебя не назову!
Жизнь проходит тропами глухими.
И Тобой, щедротами Твоими, —
Только ими! – я еще живу.

Если нужно, стань ко мне жестоким:
Труд развей и жизнь мою сожги.
Лишь одно: на все земные сроки,
Безымянными, вот эти строки
Во Свою же славу сбереги!
1945

97. Звездная книга

Тома прочитаны,
Душа – пуста.
Лишь капли, считаны,
Томят уста.

Но в ночь морозную
Открой окно,
Взгляни на звездное
Сквозное дно.

Там рыбы плещутся,
Из синевы
По лирной лестнице
Выходят львы.

Там стрелы носятся,
Ковши плывут,
Кресты возносятся,
Мечи поют.

И дева чистая
Младенцу в рот
Сосцы лучистые.
Гордясь, кладет.

Плывут созвездия.
Гудят, звенят,
Сквозь дым возмездия
Любовь сулят.

И не от века ли
Сияют нам
Библиотеками
Их письмена?

Горит алмазами
Шатер Творца.
Здесь все рассказано,
Все до конца!

Гляди все выше ты,
Читай, без слов
По небу вышитый,
Глагол миров!

Какие знамения
Еще нужны?
Нет чище пламени,
Свежей – волны!

И если даже ты
Душою слеп,
И вечность кажется
Тесней, чем склеп,

И весть доносится
Едва-едва,
Все ж в сердце просятся
Ее слова!

И слышишь ясно ты
Простой ответ:
Нет, не напрасно все!
Да, смерти нет!

Пусть с пульей в темени
Влачится мир,
Пусть Демон Времени
Свой правит пир,

Пусть сила грозная
Ломает дверь, —
На небо звездное
Смотри и верь!
1947

98

Как от листвы освобожденный дуб
Рисунком завершеннее и строже,
Так осени твоей потери тоже
Тебе скупую четкость придадут.

И не жалей о шорохе ветвей,
О золоте лучей, о гаме птичьем.
Как этот дуб, замкнись в немом величьи
Великолепной скудости своей.
1948

99

Скажешь: был он зимней зорьки проще.
Ласковый и бережный такой!
Жил он – деревцем в Господней роще.
Умер – словно песня за рекой.

Вот еще зовет вдали и плачет.
Вот уже и вовсе не слышна.
Тишина... Но разве это значит.
Что умолкла навсегда она?

Нету песни благостней и выше.
Чем от нас ушедшие поют.
Это только мы ее не слышим.
А она звенит! – В ином краю...
1948

Навстречу небу

Моей жене

100

Их ровно пятьдесят от сердцевины —
Тугих колец на спиленном стволе.
Ровесник мой на медленной земле.
Вот и закончен он, наш путь единый!

Исчезнуть — мне. Тебе же — жить и жить.
Стать дверью, лодкой, скрипкой, колыбелью,
Бессмертному земному новоселью
Еще светло и чисто послужить:

Спеть, убаюкать, привезти, впустить...

О, если бы и мне вослед тебе
Продлить мой срок, мой срок скупой и тленный,
Мое участие в зреющей судьбе,
В движении, в пеньи, в зодчестве вселенной!
1950

101

Мой путь лежит через поля
Вот к тем холмам в вечерней дымке.
Стою и всматриваюсь я, —
Совсем как путник на картинке.

Как все мне кажется сейчас
И чуждо там и непонятно...
Лишь смутно различает глаз
Какие-то штрихи и пятна.

А подойду – и станет вдруг
Все и обычным и знакомым,
И те же липы в полукруг
Сойдутся перед тем же домом.

...Не так ли, смерть, в твои края
Бредешь в томительном незнании,
А тайна страшная твоя
Всего лишь только – расстояние!

Чем ближе, тем яснее ты,
И неизвестность вскоре минет!
Так нужно ли в твои черты
С тревогой всматриваться ныне?

И на дорогах бытия
И вопрошать и ждать ответа?
Не буду ль просто завтра я
Там, где меня сегодня нету!
1950

102

Последних мук не утаить
Ни равнодушьем, ни усмешкой...
Еще хотелось бы пожить,
Немного на земле замешкать!

Я знаю, как прекрасно там,
В мирах, невидимых отсюда,
И час придет – себя отдам
Испепеляющему чуду.

Но как-то боязно всегда
Сменить на пышные хоромы
Лачугу песен и труда,
Где плохо мне, но где я дома.

Где все понятно, где окно
Откроешь – и увидишь крыши,
Где можно, если все равно.
И не взглянуть ни разу выше.

О, черепица бытия!
Лукавый сторож нашей лени!
Ты видишь, сам кидаюсь я
Перед тобою на колени,

И сам привычное мое
Продлить молю я заточенье, —
Лишь только бы не лезвие
Щемящего освобожденья!
1951

103

Здесь все совсем не так, как надо:
Здесь песен не поют цветы,
Здесь небо синим водопадом
Не прогрохочет с высоты;

Здесь звезды не благоухают,
Недвижны скалы подо мной,
И ангелы, не отвечая,
Меня обходят стороной.

О, сколько мне еще в смиреньи,
К молчанью сердце приучив,
Терпеть уснувшие камни
И нерасцветшие лучи?!

Пока Невидимого Града,
Ликуя, трубы воззовут,
И станет все опять, как надо,
Как мы давно отвыкли тут!
1951

104

Я знаю: мир обезображен.
Но сквозь растленные черты
Себя еще порою кажет
Лик изначальной красоты.

Он просияет на мгновенье
И снова скроется во мгле.
Но после каждого виденья
Немного легче на земле.

И с каждым разом мысль упрямей.
Что мир совсем не обречен.
Что, словно фреска в древнем храме.
Лишь грубо замалеван он.

И некий Мастер в час свершений.
К нему заботливо склонясь.
Освободит от оскорблений
Его классическую вязь.
1951

105

Это только кажется отсюда —
Это небо, эта синева,
Облаков рассыпанная груда,
Тенью их примятая трава...

А на самом деле все иначе!
И когда отсюда ты уйдешь —
Ничего уже не будет значить
На земле приснившаяся ложь.

Это все глаза твои нагали.
Это все придумали они —
Все эти пространства, глуби, дали,
Все эти сиянья и огни.

И когда их у тебя не станет,
То очнешься ты, и слеп и нем,
На огромном кладбище названий,
Тех, что больше не нужны совсем.
1951

106

Опять, опять! Все это прежде было
И повторяется в который раз!
Вот так же море в жесткий берег било,
В провалах туч закат, срываясь, гас;

И ветер дул, и так же было надо,
Изнемогая, выпустить из рук,
Не жизнь (что жизнь!), – тебя, моя отрада,
Из тьмы времен мне возвращенный друг!

И так всегда! И в новом повтореньи
Я, так же, как и в прежних, не пойму,
Кому вот это страшное служенье,
И эта верность горькая – кому?!

Что знаю я?! Но спутник мой крылатый
Меня зовет и говорит: – взгляни!
И вижу след девической ступни
На золотистой отмели Евфрата.
1951

107. Повседневность

От чего сегодня оттолкнуться
Отлетающим моим стихам?
На какой мне шорох обернуться.
Над какой мне лужицей нагнуться.
Чтобы в ней увидеть звездный храм?

О, я знаю: лишь в прикосновеньи
К повседневности моей земной
Обрету нездешнее виденье.
Лишь в ее прозрачном отраженьи
Просияет мир передо мной.

Если б не было ее, смиренной.
Предо мной поверженной во прах.
Я бы заблудился непременно
В неизбывном грохоте вселенной.
В Скорпионах, Девах и Стрельцах.

С ней же мне и дальний путь не дален!
В каждой капле, камешке, листе —
Шумный космос дремлет, изначален...
Оттолкнулся — и, глядишь, причален
К самой невозможной высоте!
1950

108

Нехорошо о слишком многом знать,
Неразделенной радостью томиться,
Над книгою прочитанною ждать,
Пока другой перевернет страницу.

Мне не с кем перекинуться мечтой
И некому довериться до срока...
О, жизнь моя, я словно правнук твой!
Как от тебя я убежал далеко!

А ты осталась где-то позади.
Со старческим следя недоумением.
Как я, ликуя, с песнею в груди,
Взбегаю по стремительным ступеням.

Но страшно мне. И боле не спеша —
Ищу, зову, но все мертвы и глухи.
И, присмирив, я замедляю шаг,
Опять, опять равняясь по старухе.

О, если бы перелететь стремглав
Тысячелетий пыльные предместья,
И к воротам акрополя припав —
Быть наконец с ровесниками вместе!
1951

109

Каждый голубь на моем дворе —
Хоть сейчас над Иорданом пари!
Каждая лилия,
Просиявшая на заре, —
Хоть сейчас гори
В руке Марии!
Счастливые!
Их путь — завершен!
Не высшее ли дано им блаженство?!
А я?
Сколько я еще обречен
Влачить мою скудость,
Мой мрак,
Мой стон, —
Мое человеческое несовершенство?!
Жизнь за жизнью, земля за землей...
Пока жребий мой
На звезде иной.
На эту такой непохожей.
Не воспарит и не просияет тоже!
1950

110

Непрочен матерьял моей земли.
Будь это мрамор, краска или слово.
Сколь многое из некогда живого
Забыли мы, разбили и сожгли.

И человечества прекрасный сон,
Что как рисунок Леонардо нежен,
Не Тайной ли Вечерей пригвожден
В кавалерийском стынушем манеже?!

Пусть, на леса прилежно взгромоздясь,
Белеет реставратора фигурка, —
Она уходит, вянущая вязь,
Из гимна возвращаясь в штукатурку.

Но знаем мы, и в этом наш ответ
Над каждой открытою могилой:
Все то, что было и чего уж нет,
Неистребимо, потому что — было!
1951

111

Те сны, что мне в детстве снились,
Ну разве забыть их можно?!
Чуть только их вспомнишь – с ними
И нынче душе тревожно.

О, высь, где я плыл, купаясь,
Как птица, в лазурном зное!
О, стены, что расступались
Пшеницей передо мною!

Я знаю, и этим знаньем,
Как счастьем, душа богата:
То было воспоминанье
О том, что умел когда-то.

А если умел, то, значит,
Смогу это снова где-то.
И может ли быть иначе,
Когда я так верю в это!?
1951

112

Вот и все. До конца измерена
Эта жизнь, этот дворик мой.
Тело болью земной проверено,
Сердце – милостыней земной.

С чем вернусь я, с какою удачею
В мой высокий, в мой отчий дом?
Может стал немного богаче я —
Скорбью, жалостью и стыдом?

Может стал гораздо беднее я?
Не червонцы копил – гроши,
И слепого ума затеями
Замутил родники души?

Ах, не знаю! Душа, что девица
На смотринах стоит своих:
И мечтается, и не верится,
И рассудит ее – Жених.
1951

113

Темен путь среди земного мрака...
Как могу понять себя, познать я?!
Так сургуч не понимает знаков
В нем навек оттиснутых печатью.

Но разящее прикосновенье
Ощутил он в трепете и дрожи
И хранит прекрасное раненье —
Оттиск духа на остывшей коже.

И пускай еще никак сегодня
Не прочесть мне своего названья, —
Знаю я: на мне печать Господня!
Мне довольно этого сознания.
1950

114

Я вышел навстречу небу.
Становится все свежей...
Я там, где ни разу не был, —
На крайней земной меже.

Осталось лишь оторваться
От этих последних скал.
Боишься? Зачем бояться!
Ведь ты это сам искал!

Мучительное усилие —
И стало легко опять.
Ты чувствуешь? Это – крылья!
Ты можешь уже летать!
1951

115

Высох ключ, струившийся в овраге.
Полдень жжет. Но вот, взгляни сюда:
В полом пне немного мутной влаги —
Дождевая, прелая вода.

Не расплескивай ее, играя
Хворостинкой! Может быть, она,
Скудная и жалкая такая,
Все-таки кому-нибудь нужна!

Может быть, придут ее напиться
Завтра утром белка или еж...
Или сам ты (может все случиться!)
К ней с последней радостью прильнешь.
1950

116

В тот край дорога неисхожена
И вьется тропкою глухой,
И хохотом испугнет прохожего
Под вечер леший за ольхой.

Но неприметными приметами.
Кто ей доверился, ведом:
Слетает лист (хотя не лето ли).
Вздохнет без ветра лес кругом;

Да выйдет из кустов медведица.
Лизнет в ладонь – и снова прочь...
И если все-таки не верится.
То, значит, нечем и помочь.
1950

117

Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью, —
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.
1951

118

Уже сентябрь позолотил листы
Над статуями в дремлющих аллеях.
Не торопись! Пока не умер ты —
Не облетят они и не истлеют.

И отражаться лебеди в прудах
Не перестанут, и дворец не рухнет
И Пушкин будет жив, и на орлах
Екатерины солнце не потухнет!

Пока ты жив... А, может, и совсем
Ее не будет, этой злой разлуки,
И красота дана навеки всем,
Кто хоть однажды протянул к ней руки!
1951

119

Мы с тобою ее запомнили,
Эту медленную весну:
Гиацинты на подоконнике,
Восковую их белизну.

А за ними весь в колких лужицах,
Тихий дворик, московский, тот,
Что, – прикажет весна, – закружится.
Защебечет и зацветет.

С Новодевичьего, с соседнего,
Мерно пели колокола.
И любовь наша тоже медленной,
Вот как эта весна, была.

Все прилаживалась, примеривалась,
Подмерзала то там, то здесь,
Чтобы, словно сперва не веря в нас,
После вдвое щедрей расцвести.

...Вспоминаешь, и в сердце – лужицы.
Гиацинты, колокола
И та девушка, в косах, в кружевце,
Что тобою тогда была.
1951

120. Молитва на ветру

Снова яркий полдень мая,
Снова лугом, до реки,
Догоняя, обгоняя,
Голубые мотыльки.

Вешний храм лучист и светел,
Словно смерти в мире нет.
Но гляди: уж с яблонь ветер
На траву сметает цвет.

Он в ветвях снует и плещет,
Торопя грядущий тлен,
В полотне тугом трепещет
У девических колен.

И она, – как песня рядом
Легконога и стройна, —
Тоже ветреным уладам,
Как на смерть обречена.

И о ней мое моление,
На ветру, в полдневный час,
В храме вешнего горенья,
Истребляющего нас.

Пощади, небесный пламень!
Знойный ветер, не спеши!
Не кидай на холодный камень
Легкий цвет ее души!
1948

121

Мы жизнь прошли, как поле, рядом,
По узкой и прямой меже,
И вот белеет дом за садом
И ужинать пора уже.

Соломенную шляпку скинув,
Прическу поправляешь ты,
Я расставляю по камину
Неприхотливые цветы.

И это все. Ни клятв, ни бдений.
Ни патетических сонат.
Лишь голова в твои колени,
Притихший дом и спящий сад.

И тонкий серп над ближней рощей
Нам говорит из полутьмы,
Что нет прекраснее и проще
Того, что пережили мы.
1947

122

Вспомним вместе, вспомним все сначала!

...Утро пело, озеро цвело,
Лодка у короткого причала
Надломила легкое весло.

А оттуда, где спустясь, опушка
Загляделась в радужную гладь.
Куковала щедрая кукушка, —
Было даже и не сосчитать!

Что тайком мы оба загадали —
В этом мы признались лишь потом,
А покуда, сидя на причале,
Толковали о совсем пустом.

Вот уже бывшее как в тумане...
Но еще с тобою мы не раз
Милую пророчицу помянем,
Что тогда не обманула нас.
1951

123. Звезды

В учебнике учат дети,
Что, мол, далеко звезда.
Но мне в рассужденья эти
Не верилось никогда!

Бывало, еще ребенком,
Я ночью любил не спать,
И звезды легко и звонко
Мне сыпались на кровать.

Я с черных ветвей каштанов
Их стряхивал на песок,
Я, ими набив карманы,
Скупить все на свете мог.

С тех пор – мое сердце, правда? —
И злым я и черствым был,
Но детской веселой правды.
Старая, не позабыл.

И пусть на земле все низко.
А в небе все высоко.
Я знаю, что звезды – близко
И встретиться нам – легко.
1950

124. Голос мира

Умолк навеки голос с высоты,
Угасли знаки вещих откровений...
Куда пойдешь, кому послужишь ты
И перед кем падешь ты на колени?

Все стало тайной. В путях тишины
Апостолы в неведеньи томятся,
И ангелами вспененные сны
Первосвященникам уже не снятся.

И все-таки ты не совсем забыт!
Взгляни вокруг! В лазоревом просторе
Как горний голубь облако парит,
Как Гавриил благовествует зори;

Поют ветра – как с неба голоса,
А в темноте такой библейской ночи —
Как Моисей гремит и жжет гроза,
Как Иеремия океан пророчит;

И твердь гудит, и прядает звезда,
И воинство лесов подымлет пики,
А в зареве закатов иногда
Еще сквозят архангельские лики.

Иди и слушай шелест и прибой —
Немолчный голос счастья и тревоги!
И пусть навеки замолчали боги —
Ты не один: мир говорит с тобой!
1949

125

Что весною тебе отмерено —
Принесешь ты к своей зиме.
Ничего не будет потеряно
Из того, что ты здесь имел.

Все дурное и все хорошее
Перебродит в крови твоей
И певучею станет ношею —
Собеседником поздних дней.
1950

126

Корзина с рыжиками на локте.
А за плечом — мешок еловых шишек.
Опушки леса ласковый излишек —
Не царский ли подарок нищете!?

Затопим печку ужин смастерим
И ляжем спать на стружковой перине.
... Есть в жизни грань, где ты неуязвим,
Неуязвим, как ветры и пустыни.
1951

127

Возле дома моего —
Поле, больше ничего.

Вдоль него, мертво и зло,
Напрямик шоссе легло.

Каждый вечер (как служу!)
По нему хожу, хожу...

Час, и час, и снова час,
В камни палкою стучась,

Сам с собою говоря,
До беспамятства куря, —

Лишь бы только как-нибудь
Обессилеть и заснуть.
1949

128

Мы на земле – рабы своей сумы,
И что за поворотом – нам не видно.
И вот совсем напрасно просим мы
«О смерти мирной, смерти непостыдной».

Что пользы нам в прохладной простыне,
В глотке воды, в друзьях у изголовья?!
Есть смерти злые, трудные, вдвойне
Оплаченные ужасом и кровью.

В них вещей смысл! Такая смерть несет
В себе не просто смерть – преображенье.
Проси о ней! Проси о том паденьи,
Что душу окрыляет как полет!
1950

129. Жизнь

Не дорогой – тропой дремучею
Мчишься гоголевским Хомой.
Оседлала меня, замучила.
Наглумилася надо мной...

Осадить бы! В крапиву свалится!
Только страшно... Ведь в тот же миг
Обернется она красавицей
И предсмертный раздастся крик.

Будет стройною, черноокою
На земле лежать, не дыша.
И заплачу над ней, жестокою,
Той, что все-таки хороша.
1951

130. Сердце и пальцы

Это в пальцах не хватает силы.
Сердце – все такое ж, как и было.
Сердце шепчет в страхе и в надежде:
– Я хочу служить тебе, как прежде!
Лишь бы только пальцы поспевали,
Все, что напою я, записали!

Но у пальцев есть своя забота,
Пальцы горькой заняты работой:
Прижимаются к вискам свинцовым,
Зябнут под подушкой пуховой,
Шарят в темноте по одеялу...
Некогда служить им сердцу стало!

И взмолилось сердце в нетерпении:
– Что мне мир и миру я – без пенья!?
Отпусти меня туда отсюда.
Где само, без пальцев, петь я буду!
1951

131. Сон о казненном поэте

– Это он! С кем хочешь я поспорю!
Видишь, вот идет он впереди
С неизбывной мукою во взоре,
С неостывшей пулею в груди!

– Он же умер! Он уже не может
Услыхать слова твоей любви!
Никакое чудо не поможет!
Не ищи его и не зови!

– Нет! Скорее! Мы его догоним!
Я клянусь тебе! Мы добежим!

.....

Как года – мгновения погони.
Год еще – и поравнялись с ним.

Страшно заглянуть за эти плечи...
Может быть, все это только сон!?
Оглянулся – и свершилась встреча
И сомнений нет, что это он.

Серый глаз струит холодный пламень,
Узкий шрам белеет вдоль щеки...
Наш учитель! Вот ты снова с нами!
Отзовись! Коснись моей руки!

Но запачканные кровью губы
Ничего не вымолвили мне.
Только вдруг серебряные трубы
В солнечной пропели вышине.

Рыжегривые заржали кони.
И рванулись ввысь, и понесли.
И уже не слышен шум погони
С убегаящей назад земли.

Только бездны, вихри и просторы,
Звездные озера и сады,
И внезапно – старой сикоморы
Ствол корявый у скупой воды.

След звериный вьется к водопою,
Заунывная звенит зурна...

Только бы остаться здесь с тобою,
Эту радость всю испить до дна!

Но стираются черты и звуки,
Миг еще – и на сухой траве
Судорогой сведенные руки...
Окрик парохода на Неве...

Люди молча топчутся у ямы,
Раздается мерный лязг лопат,
А вдали угрюмыми домами
Щерится притихший Петроград...

.....

Прошлое! Оно таким мне снится,
Как его увидеть довелось:
Белую, бессмертную страницей.
Пулею простреленной насквозь!
1949

132

Пора привыкнуть к маленькому дому
Неплотной двери, низкому окну,
И на тюфяк с примятою соломой
Пораньше лечь и отойти ко сну.

Все, что могла душа, и что умела —
Все свершено, и даже в пальцах нет
Охоты взяться за бывшее дело,
За ремесло перегоревших лет.

И пусть порою жизнь еще доносит
Свой блеклый шум, свой приглушенный свет —
Все спрошено! К чему вопросы!?
Осталось только: услышать ответ.
1950

133. В комнате умершего

Да, опустело здесь... На кресле, за столом, —
Повсюду нет уже родного силуэта...
И эта тишина! И вот: не быть вдвоем...
Как это оправдать и как осмыслить это!?

И все-таки — не плачь! И комнату — покинь!
Сойди по лестнице и, стоя на пороге,
Вглядись в рассветную бледнеющую синь.
Ты видишь, это он шагает по дороге!

Не нужно! Не зови! Его уж не вернуть!
Но знай: он жив еще и жить ему без счета!
Он только погостил и снова вышел в путь.
И, слышишь, он поет! Вдали. За поворотом.
1950

134

Все узнав, от самой жгучей муки
До утраты самой роковой,
Научились мы лихой науке:
Не бояться в мире никого!

Ничего не просим мы у неба,
А когда и даст – не бережем,
И краюху поданного хлеба
Разрезаем найденным ножом.

И в глаза никто нам не заглянет,
И руки не тронет нам рукой...
Разве только на глухой поляне
Улыбнется рыжик золотой;

Разве только дикая малина
На сухом растает языке...
Нет у нас ни слуг, ни господина,
Жизнью мы проходим налегке.

Но за то, что все мы потеряли,
Одного мы друга обрели.
Он из ясной запредельной дали
В золотой спускается пыли.

И на плечи положив нам руки,
Нас целует в обожженный лоб,
Чтобы все земные наши муки
Звездным утешеньем замело.
1951

135. Разговор с самим собой

Подойди. Здесь тихо и темно.
Мы с тобой совсем наедине.
Где ты был, любимый? Как давно
Ты не исповедывался мне!

Что сегодня странный ты такой?
Расскажи мне все, не утай!
Почему твои, мой дорогой,
Руки холоднее, чем мои?

Верно, никому не протянул,
Ими никого не обогрел,
А по локти в прорубь окунул
И над этой прорубью сидел.

И теперь стоишь передо мной,
Без вины, а все же виноват,
С потаенной мыслию одной:
Отмолчаться – и опять назад.

Надо бы тебя мне пожалеть,
Научить науке золотой,
Той, как можно целый мир согреть
Маленькой своею теплотой.

Только наша доля такова,
Это здесь издревле повелось:
И один как будто мы – а два,
Ближе братьев, а должны быть – врозь.

Знаю я, что трудно одному.
Чую, что тебе не сдобровать...
Дай, тебя покрепче обниму!
Может, и не свидимся опять...
1950

136. Христианская муза

Когда апостол Иоанн
В ночи повествовал о Боге,
Нежданной гостью дальних стран
Явилась муза на пороге.

Блистательно обнажена,
Она едва внимала Слову.
Казалось, вот сейчас она
Покинет этот край суровый.

Но Слово зрело и цвело,
Переливалось теплой кровью,
То мудростью спокойно жгло,
То кроткой мучило любовью.

И муза ближе подошла
И, кутаясь в овечьи шкуры,
На край убогого стола
Присела девочкою хмурой.

И длилась ночь. И пел рассказ.
И, незаметная дотоле,
Морщинка меж лучистых глаз
Легла, чтоб не исчезнуть боле.

И жалость скорбью обожгла
Уста, и навсегда богиня
Голгофы оцет пролила
В прозрачный мед своей латыни.

На шее девственной она
С тех пор прохладный крестик носит
И, терпелива и нежна.
Для нас у Бога песен просит.
1947

137. Терновник

Снежной пеной, кружевом нездешним.
Весь – несбыточная чистота.
Вот он вьется по оврагам вешним...
Деревце, терзавшее Христа!

Мне таким тебя увидеть внове!
Для меня ты в памяти цвело
Только каплями тяжелой крови,
Умывавшей бледное чело.

И забыл я, что в начале мая
Ты цветешь, как в мире все цветет,
Солнечным лучом благоухаешь,
Вяжешь плод и расточаешь мед.

Что тебя в дешевую больницу
Некрасивым девушкам несут,
И когда последний сон им снится, —
Снова с Ним встречаешься ты тут.

Но пред Ним невинным ты предстанешь,
На тебя Он ясный взор прольет,
Потому что ты не только ранишь,
Но цветешь, как в мире все цветет.
1946

138. В лесу

Июльский полдень зноен, что костер.
Но здесь, в лесу, для путника – отрада:
Он свежестью пронизан до сих пор,
Предутренняя медлит в нем прохлада.

Остановись. Присядь на мшистый пенёк,
В орешнике едва заметный глазу,
И допивая утреннюю лень —
Прислушайся к чудесному рассказу.

Слетает лист на розоватый мох,
Струит грибок свое благоуханье,
И слышен шорох, шелест, шепот, вздох —
Неутолимый говор мирозданья.
1947

139

Дороги выются по холмам,
Белеют дали снежные,
И ветерки навстречу нам
Летят, такие нежные.

Сухая горечь прошлых лет
Как снегом припорошена.
И здесь услышим мы ответ
На все, что было спрошено.
1950

140. Из прошлого

Иль должен был я отогнать тебя
От маленьких овец моих, что б ты
В дремучий лес свой их не заманила.
Иль должен был назвать тебя богиней
Соседнего ручья и рощ окрестных
И приносить тебе их в жертву сам.
В час утренней зари, на плоском камне.
Что был бы с каждым днем темней от крови.
Как хорошо, что ты сама решила
И пастухов ушла ласкать других,
Что маленьких овец своих не любят!
О, как спокойно стало мне! Смотри!
Вот догорает солнце за холмами
И по тускнеющей уже траве
Рассыпалось пасущееся стадо.
А милая свирель к устам прильнула
Нежней, чем ты, и мой окрепший голос
Так явственно о Море говорит.

141

Тончайшей кистью – песнею моей
Я золочу скорлупки жестких дней
И вешаю лучистые орехи
На елочку земного бытия.
Я знаю: кисть истреплется моя,
Окончатся высокие утехы,
И елочку из комнат унесут.
Но, может быть, заботливые руки
Нехитрые игрушки соберут
И сохранят от тленья и разлуки,
Чтоб будущим, прекрасным Рождеством
Повесить их на деревце своем,
И нетускнеющая позолота
Еще на миг порадует кого-то.
1950

Неуловимый спутник

Моей жене

142

Моя душа, как ты бедна.
Когда в мои рядишься строки!
Они, как волны ото дна,
От тайников твоих далеки.

В них мимолетное живет,
В них не ответы, лишь вопросы,
Короткий всплеск дробимых вод,
Глубинных таинств отголосок.

А там, где мрак и тишина,
Там дремлют редкостные клады,
Там навсегда погребена
Немая мощь моей армады.

Лишь иногда ночной прибой
В своем скитании нелюдимом
Швырнет на камни золотой, —
Дукат-другой казны незримой.

В ладони, завистью томим,
Иной их взвесит со злорадством,
Но разве можно счесть по ним
Мое несметное богатство!
1953

143-144. Родине

1

Между ними – двери и засовы.
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу – тебе.

Я сейчас не мил тебе, не нужен.
И пускай бездомные года
Все петлю затягивают туже —
Ты со мной везде и навсегда.

Как бы ты меня ни оскорбила.
Ни замучила, ни прокляла,
Напоследок пульей ни добила —
Ты себя навек мне отдала.

Пусть тебя еще неволит враг,
И еще не скоро ты поймешь,
Как тебе желанен я и дорог,
Как меня жалеешь ты и ждешь.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука...
Я через моря, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.

Не спрошу тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, все тебе прощу.
1952

2

Странно, в ненависти иной
Больше близости, чем в любви...
Ненавидя тебя, я твой
Всем горячим биеньем крови.

Ненавидя тебя, я весь,
Без остатка, тебе обещаю,

И всегда ты со мною, здесь.
Безответной моею вещью.

Эта ненависть солона
Раскаленной и едкой солью.
Выедает глаза она.
Жалит горло щемащей болью.

И не смотришь и не поешь.
Только, шаря рукой в кармане,
Режешь пальцы о ржавый нож,
Не тебя, а себя им рая.

Если все-таки в трудный час
Суждена мне с тобою встреча —
Только бельмами мертвых глаз
На твой пристальный взгляд отвечу.

Проведешь ты по ним рукой
И поймешь, что не мог иначе,
Что пред ненавистью такой
И любовь ничего не значит.

И впервой приоткрыв уста,
Молвишь, тем же, чем я, томима:
Чтоб меня ненавидеть так,
Как ты любишь меня!.. — любимый!
1952

145. Когда вернусь

Мачеха в дом мой родной вошла,
Свела наговором отца в могилу,
С жабьей начинкой пирог испекла,
Лампадку задула и котят утопила.

С ней мне не жить! И подался прочь
Нищим мальчонком, босым и рваным.
В черную, злую, глухую ночь,
В черные, злые, чужие страны.

Жизнь моя с виду не так плоха:
Днем – с земляками играю в прятки,
Ночью... – кто ночью меня слышал?
Зубы в подушку – и все в порядке.

Дома, известно, беда и стыд,
Чахнут меньшие, что лен в бурьяне.
Мачеха косится и сопит,
Ножик поточит и в шелку глянет.

Верится только – не век страдать,
Правды хоть мало, но есть на свете.
Как не живуча карга, а, глядь,
Переживут ее все же дети!

День подойдет – и вернусь назад,
Знаю, найду лишь забор да стены.
Взглянут меньшие с тоской в глаза...
Чем накормлю их, во что одену?

Нету для милых мошны тугой,
Пряников сладких, цветных нарядов...
Перекрестясь на угол пустой,
С ними за стол их убогий сяду.

Корку предложат – и той я рад,
Сам же, коль нет ничего другого,
Тем поделюсь, чем одним богат:
Светлой улыбкой и чистым словом.
1952

146-148. Царскосельские стихи

1

Когда я мальчиком с тобой дружил.
Прекрасный город одиноких статуй.
Густой сирени и пустых дворцов.
Тебя еще не посетили беды:
Твой Гумилев был юношей веселым.
Ахматова – влюбленной гимназисткой.
А Иннокентий Анненский еще
Не задохнулся на твоём вокзале.
И даже Пушкин твой казался мне
Еще не мертвым и не взрослым даже.
А шумным одноклассником моим.

Прошли десятилетия. Не счесть
Твоих утрат. Твои дворцы во прахе
Лежат. Твои поэты казнены
Презреньем, пулею или молчаньем.
И только имя Пушкина одно
Еще, как встарь, сияет над тобою
Прекрасным обещанием, залогом
Грядущей правды.
1954

2

Казненных муз умолкший городок!
Ты сам отрёкся от своей же славы,
Ты грязной тряпкой вытер след кровавый
И притаился... Или изнемог?

И странно: в нашей нищенской судьбе,
Не чающей ни милости, ни срока,
В чужой ночлежке нашего далека
К тебе мы ближе, чем ты сам к себе.

Для нас одних звучат твои сады.
И шевелятся статуи, и зданья
Хранят неизгладимые названия
И даты несмываемой беды.

И обезглавленных тобою муз

Еще садятся тени рядом с нами
И говорят стихами и слезами,
И знаем мы: «Прекрасен наш союз!»

...Ты значишься на карте? Это ложь!
Тебя там нет, – мы тоже знаем это!
Ты вместе с нами странствуешь по свету
И вместе с нами – скоро! – ты умрешь.
1953

3

Наверно, там еще и ныне
Цветет сирень, журчит вода
И дева бронзовая стынет
У лебединого пруда.

Но что-то стало там иначе,
Как если бы в иной предел
Какой-то гений отлетел...
Но кто заметит? Кто заплачет?
1955

149. Не забытое, не прощенное

Когда весной – чужой весной! —
Опять цветет сирень.
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой.
Ему – под пятьдесят.
Но молодой голубизной
Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки.
И гимназическим сукном.
И мелом у доски;

Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком.
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным платком...

Стучит капель, оторопев
На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
Кавалерийских труб,

И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу.
...Я всех забыл, я все забыл,
А это – не могу!

*

За годы зла, за годы бед,
Со мной друживших там,
Привык терять я даже след
К покинутым крестам.

Я схоронил отца и мать.
Я схоронил друзей.
Но их мне легче вспоминать.
Чем запах детских дней.

Все, чем согрела жизнь меня.
Я растерял – и пусть!
Вот даже Блока больше я

Не помню наизусть.

И стало тесно от могил
На дальнем берегу.
...Я всех, я все похоронил,
А это – не могу!

*

Когда я думаю, что вот
Там все теперь не так,
И тот, кто песни там поет,
Не близок мне никак;

Со мною августовским днем
Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
“Костер” бы перечесть!»

Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт – пропал и след! —
В своей родной стране;

Что тот, кто нам стихи сложил
О чувстве о шестом, —
И холмика не заслужил
С некрашенным крестом;

Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут —

Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
Я всем простил, я все простил,
Но это – не могу!
1955

150

Те пармские фиалки на окне,
Что выходили на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня, которого узнал едва ли б,
Когда бы нынче встретил. Он хранил
Еще наивность детства, нежность, жалость,
Писал стихи и девушку любил,
Что, – нет, не с ним, – с другими целовалась.
Где он теперь? Его давно уж нет.
Его убили. Нет, совсем не люди.
Так просто где-то затерялся след,
И лучше мы о нем совсем забудем.
А то он будет ночью в дверь стучать,
Заглядывать в окно, слезлив и жалок,
И требовать любви, Невы, фиалок...
А что ему ответить? Что подать?
1955

151

О, только бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил бы и этот город.
И реку (не она ль звалась Невой?).
И колоннаду грузного собора.
И тонкий шпиль в морозной вышине.
И сад в снегу такой нелетний, голый...
О, если б голос твой припомнить мне.
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это все мне без него? А он...
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шлюпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола...
О, если б голос твой приснился мне,
Твой дорогой, твой потонувший голос!
1955

152. Весной

Уже серебрятся ветки
У старых печальниц-ив,
Вздых ветра сквозь ельник редкий
Так нежно-красноречив.

Настойчивей стали реки,
Податливей – берега.
...Лишь повесть о человеке
Мучительна и долга.

А здесь все быстрее и проще,
Все радостнее стократ:
Легко зеленеют рощи,
Легко расцветает сад.

А сколько душе скитаний
Покамест она пройдет
Как этот подснежник ранний.
Сквозь этот тяжелый лед!
1954

153. Чистота

Есть недоброе что-то в том.
Что к себе чистота нас манит.
Чистота... Кто ее тайком
Не растопчет и не обманет?

Упоительнее всех нег
С чистотой быть беспечно-грубым:
Резать лыжами свежий снег
И девичьи неволить губы.

Будь название твое цветок.
Утро, девушка иль страница —
Чистота, твой недолог срок,
Он всего лишь мгновенье длится.

Почему везде и во всем
Чистота или вся в былом,
Иль вот-вот облететь готова
От дыхания, взгляда, слова...

Чистота, как тебя сберечь,
Братом рядом с тобою лечь?
1955

154

Дряхлеют вечные слова.
И страшно пользоваться ими.
Они порой едва-едва
Живут под пальцами моими.

Напишешь и глядишь: уже
Они тускнеют на странице.
О, сердце, будь настороже.
Подумай, стоит ли трудиться?

Сердить людей, сердить богов,
Противоречить всем законам,
Чтоб мутной изморозью слов
Растаять на стекле оконном.
1953

155

С тех пор, как сердце заблудилось,
А тело продало меня —
Так хороша простая милость
Нетрудно прожитого дня.

Он начался кустом сирени
За приотворенным окном
И был без писем, без мигрени,
Без сожалений о былом.

Вот он уходит, потревожен...
Опять уже щемит виски...
Возьми меня с собою тоже
Туда, где все, как ты, легки.
1955

156

Вот она идет со мною рядом.
Девушка с «Онегиным» в руке.
Мы заброшенным спустились садом.
Мы выходим к дремлющей реке.
Растянулись на ковре весеннем.
Оба в золоте и синеве.
И пока презрительный Евгений
Возле нас скучает на траве.
А вокруг крылатым аллилуйя
Тополя и яблони звучат —
Родинку лукавую целую.
Ту что возле правого плеча.

Миновалось все, переменилось.
Дразнит лишь порой издалека.
И одна бессмертной сохранилась
Пушкинская легкая строка.
Та, что в то сияющее утро,
Той неповторимую весной,
Не нужна была совсем как будто,
А теперь – одна еще со мной.
1953

157

В том, что вчера не причиняло боли,
Уже сегодня странный привкус есть.
Еще, конечно, можно выйти в поле,
И закурить, и Фета перечесть.
Но даже в Фете, в поле, в папиросе —
Уже горчинка уходящих дней,
Предчувствие разлуки... Хочешь, спросим,
У смерти спросим (ей-то ведь видней!),
Что остается от благоуханных
Земных страниц, волокон и копен?
Она ответит: пепел безымянный.
И вот во всем мне нынче виден он.
1954

158

Последний трепет бытия.
Мучительное содроганье —
И вот уже свободен я
От неуменья и незнания.

Зачем же книги я листал
И к прорицателям стучался.
Зачем искать не перестал
Того, чего не доискался?

Нет, надо было просто ждать,
Глядеть в окно, бродить по саду
И не записывать в тетрадь
Моих рифмованных догадок.
1953

159

С тем, кто глаза закроет мне
В какой-нибудь большой больнице,
Я повстречаюсь, как во сне
И не успею подружиться.

А может быть, и в тот же день
И той же самую ладонью
Приблизит он к лицу сирень
И грудь девическую тронет.

И тем (да будет меж людьми
Его благословенно имя!)
В последний раз еще на миг
Соединит меня с живыми.
1954

160. Раз в году

По старинному православному верованию, за самоубийц можно молиться только раз в году – за пасхальной обедней.

На отшибе, за погостом,
Возле двух осин,
Он лежит уже лет со ста,
Без креста, один.

Выступает чуть заметно
Низкий бугорок,
Залегает неприветно
Пыльный ветерок.

Люди кромкою дорожной,
Не взглянув, идут...
За него молиться можно
Только раз в году.

*

Что ни ночь – ко мне приходит,
У стола стоит,
Разговор со мной заводит
Про дела свои.

В каждом слове – боль обмана.
Боль глухой тоски.
У виска чернеет рана
От своей руки.

Чем тебя я успокою.
Боль твою уйму?
Как помочь земной рукою
Горю твоему?

Жребий твой – страстное бремя.
Темная стезя.
Ведь тебя в любое время
Помянуть нельзя.

За тебя нельзя до срока
И свечи зажечь.
Под осиной, под высокой.
Рядом в землю лечь.

Ты живешь во тьме острожной.
В ледяном аду.
За тебя молиться можно
Только раз в году.

*

Что ни ночь – длинней свиданья.
Тише разговор.
И глядят воспоминанья
На меня в упор.

Все, что жизнь сожгла былая,
В них возвращено.
Гость мой страшный, знаю, знаю:
Мы с тобой – одно!

Это я из давней были
Сам пришел к себе.
Чтоб за всех, кто мною были.
Заплатить судьбе.

И в земной моей неволе
Сам отныне тот.
За кого никто не молит
И свечи не жжет.

Для кого в одном тревожном
Все слилось бреду.
За кого молиться можно
Только раз в году.

*

Дорогая, ты далеко!
Слышишь ли меня?
Не проспи скупого срока,
Жертвенного дня!

Ночью северной, хрустальной,
В дальней стороне,
За обедней, за пасхальной,
Вспомни обо мне!

Окропи меня слезою,
Осени крестом,
Похристосуйся со мною
Мне солгавшим ртом!

Вспомни, как меня любила,
Как клялась, пока
На прощанье подарила
Рану у виска!

Отыщи к далекой были
Заметенный след.
Вспомни, как мы жизнь разбили
В девятнадцать лет!

Вспомни холмик придорожный!
Не забудь – я жду!
За меня молиться можно
Только раз в году.
1954

161. Прощанье с телом

Пора! Я медлю у предела
И скоро перейду его.
И навсегда закончит тело
Свое земное торжество.

И станет чуждым несказанно.
И странно будет мне извне
Его увидеть безымянным
На обмелевшей простыне.

Вот ты каков, мой спутник тленный,
Со мной обвенчанный двойник,
К чьей близости я постепенно
Как будто к каторге привык!

И все-таки перед разлукой
Тебя за все благодарю!
Ведь было ты земной порукой
За душу звездную мою.

Как бережно ты было с нею
И как всегда терпело ты
Ее смертельные затеи.
Ее безумства и бунты!

Ты с нею все делило ровно.
Что было лишь тебе дано:
Своих прекраснейших любовниц.
Свое тончайшее вино.

Ты знало (и давно простило).
Что жребий у меня – иной.
Что завтра у твоей могилы
Заплачут только надо мной.

И даже я, в скитаньях звездных.
В моей заоблачной судьбе.
Невольно, рано или поздно.
Навек забуду о тебе.
1959

162

Когда душа поймет урок
И удивляться перестанет.
Тогда на некий светлый срок
Она провидицею станет.

И примет все она тогда:
И нищету и боль, и эту
Сквозь раскаленные года
Стремглав летящую планету.

И станет дивно внятн ей,
Пускай еще неизъяснимо,
Весь этот странный строй вещей,
Жестокий и необходимый.
1952

163

Если я лишь песчинка тленная
На пустом берегу земном —
Для чего же тогда вселенная.
Мой огромный, мой страшный дом?

Для чего тогда звезды прядают
Солнца зреют и луны ждут
За кладбищенскою оградой
Что ни лето цветы цветут?

От сияния до мерцания.
От звезды и до лепестка —
Все немолчное обещание.
Вдаль протянутая рука.

Только верить, только вслушаться —
И узнаешь ты и поймешь,
Как деревья и царства рушатся,
Колосится душа и рожь.

И в чудесном каком волнении,
Вырываясь из всех оков,
Все спешит к своему свершению,
На какой-то далекий зов.
1952

164

В легкой роще, в это утро мая
Пеньем птиц пронизанной насквозь,
Наяву или во сне, не знаю,
Повстречаться с ним мне довелось.

Он скользнул сквозь дрогнувшие ветки
На затрепетавшую траву
Ждал меня, – мучительный и светлый.
Звал меня, – во сне иль наяву?

– Ангел мой! – сказал я. – Почему ты
Для меня – на дальнем берегу?
Почему я ни одной минуты
Здесь побыть с тобою не могу?

Почему ты только гул прибоя,
Дымный луч, волнистая стезя?
Почему ни говорить с тобою,
Ни тебя увидеть мне нельзя?

...Облако ль внезапно набежало,
Паутинка ль оборвалась сна —
Только вдруг, гляжу, его не стало,
Снова только роща и весна.

Но ответ еще листву колышет,
Пригибает долу стебли трав:
«Надо услышать меня, не слышав,
И меня увидеть, не видав!»
1953

165

Вспорхнув, крылом меня задела,
Неуловима и легка.
Не из иного ли предела
Ко мне простертая рука?

Толкнуть вперед хотела или
Остановить и уберечь?
Зачем гадать? Мы не учили
Граматику нездешних встреч.

Мы просто ничего не знаем
И вот в невежестве своем
Прикосновенья забываем
И шорохов не узнаем.

А завтра, смотришь, лодка тонет,
Лжет поцелуй, густеет мгла...
О, если бы вчера я понял
Заботу твоего крыла!

Но ты простишь, само терпенье,
Лишь покачаешь головой,
Мой легкий ангел (весь – паренье!),
Неуловимый спутник мой!
1954

166

Как больно утром забывать
Все то, что ночью мне приснилось,
Как больно видеть, что опять
Совсем напрасно сердце билось.

Оно взглянуло за черту,
В неизреченную безмерность,
Но где ж ему поверить в ту
Прекрасную недостоверность?

Как с гибнущего корабля,
Оно спасло с собой оттуда
Не то, чего ждала земля, —
Не откровение, не чудо,

А только несколько скупых.
Косноязычных обещаний.
И вот на отмели, в тумане.
Изнемогает возле них.
1953

167

По дороге в смерть, далеко от дома,
Там, где тропка уводит в овраг сырой,
Повстречался я с мальчиком незнакомым,
Что, таясь за кустами, следил за мной.

Я спросил его, кто он, и он ответил,
Он сказал мне тихо: я – это ты!
Или думал кого ты другого встретить
У последней, у черной своей черты?

Я пришел узнать, что случилось со мною,
Не напрасно ли в те далекие дни
Я карабкался вверх вот этой тропкою,
По которой теперь ты уходишь вниз?

– Не напрасно, нет! – ему я ответил.
Не напрасно ты в поле песенки пел,
К птицам прислушивался на рассвете,
Со звездою дружил и котят жалел.

Потому что, мой мальчик, песенки эти,
Твои котята, твоя звезда —
Это все, чем я был и хорош и светел,
С чем одним только я и добрел сюда!
1952

168

Вот она, моя любимая.
Ненаглядная моя.
Летним облачком хранимая
От ожога бытия.

Шла да шла своей дорогою.
А оно над ней плыло.
Легкой тенью мягко трогая
Запыленное чело.

Сохранило и растаяло.
Вот и вечер на дворе...
И стоит она усталая.
Но ясна, как на заре.

Всех, кого встречает, радуя,
Тем, что день не иссушил:
Этой утренней прохладою
Необугленной души.
1953

169

Я видел только край щеки
Да локон у виска,
Но знал: всем безднам вопреки
Тебя я разыскал!

А наверху в косом луче
Струистый ладан гас,
И жарко пчелами свечей
Гудел иконостас.

И я по улице пустой
В притихшем городке
Отнес любовь мою домой.
Как просфору в платке.

И до сих пор она еще
Лежит, все та же, в нем
И пахнет воском и лучом —
Вот тем далеким днем.
1955

170

Смотри: вот эти двое – мы,
Вот это здесь – наш дом.
Как флорентийские холмы
Весь мир лежит кругом.

Не потому, что он хорош —
Он нас томил и жег,
Всегда он за спиною нож,
Чтоб нас убить, берег.

Но мы ему сказали: ты
Не страшен потому,
Что есть другой, смелей мечты,
Убьешь – уйдем к нему!

И добрым стал он с той поры,
Он услужить нам рад,
Он тихий дом нам подарил
И яблоневый сад.

Там, на закате, медлим мы,
Не разлучая рук,
И флорентийские холмы
Легко лежат вокруг.
1953

171

Когда я буду на земле моей
Жить (девушкой уже, конечно) снова.
Я буду всех наивней и скромней.
Совсем как ты в дни давнего былого.

Я косами затылок оплету.
Надену светлое простое платье
И бархатку на шею – помнишь? – ту
В которой так любил тебя видеть я.

Твою я повесть свято повторю:
Я буду одному верна до гроба.
Как я с тобой, весеннюю зарю
Рука в руке не раз мы встретим оба.

И будет у меня ребенок, сын,
Которого с тобой нам не хватало.
Ему я тихо в зимние часы
Перескажу все то, что ты сказала.

И я, как ты, не напишу стихов,
Из нищих слов сработанных убого,
Я буду лишь в тишайшем из садов
Растить цветы и ими славить Бога.

И если Он благословит меня —
Состарюсь я разумной и пригожей,
Чтоб в вечер мне назначенного дня
Уснуть с улыбкой на твою похожей.

Так ты во мне себя переживешь.
Так я, благодаря твоей любви,
С моей судьбы сотру земную ложь:
Косноязычье голоса и крови.
1950

172

Как поцелуй через платок.
Что хуже свел с ума.
Как та приписка между строк.
В которой суть письма, —

Так наша встреча началась
В те дни далеких лет:
Вся любопытство, а не страсть,
Вся прихоть, а не бред.

Но был губительным ожог
Тех ветреных утех,
Ты не смогла и я не смог
Разять объятий тех.

И вот, как видишь, сбереглось
И будет жить века
То, что когда-то началось
Как будто с пустяка.
1953

173

Я вспоминать люблю об этом
Далеком и счастливом дне.

Он начался простым рассветом.
Зарозовевшим на сосне.
И разгорался понемногу
Все радостней и горячей.
И вот, в туфлях на босу ногу
И с полотенцем на плече.
Сперва дорожкой по саду
Затем тропинкой под уклон —
Туда, где пруд ночной прохладой
Еще блаженно напоен.
И вдруг (я ветки раздвигаю),
Вся в брызгах солнца и воды —
Ты, ослепительно нагая,
Виденье неги и беды.

С тех пор (прости мое признание,
Ты будешь им удивлена...),
С тех пор в моем воспоминаньи
Ты навсегда обнажена.
И пусть известно мне, что где-то,
Давно уже немолода,
Живешь ты, тщательно одета
И оскорбительно горда, —
Ты вот такую сохранилась
Сквозь все нагроможденье дней
В прозрачной памяти моей.

Благодарю за эту милость!
1955

174

Я в памяти тебе, как худшему жильцу.
Каморку тесную отвел под самой крышей.
Там, не причесана и в платье не к лицу,
Ты коротаешь дни и с каждым днем – все тише.

Я не стучусь к тебе. Но в полночь, в тишине,
Со связкою ключей бродя по коридорам,
Сомнением порой терзаюсь я, с которым,
Я знаю, никогда не совладать вполне:

Что если там, одна, ты плачешь обо мне?
1954

175

Все сны, все помыслы свои
К ней, словно руки, простирая,
Ты ждешь прекраснейшей любви,
Как ждут младенческого рая.

А там давно потушен свет,
И пальмы срублены, и лани
Растерзаны, и больше нет,
О, даже разочарований.
1954

176. Сонет о розовом кусте

«*Gloire de Dijon*»

«*Madame Lelavasseur*»

«*Helenę Valabreque*»

(из каталога роз)

Усыпанный цветами, темно-алый.
Сквозной беседкой изогнулся он.
Не здесь ли Маргарите снился сон
И Доротея Германа встречала?

Он спутник готики, в нем неги мало,
Его бы миру не вручил Дижон,
А имена своих лукавых жен
Ему бы Франция не завещала.

Но в строгости цветенья своего
Венчать героя или божество
Ему зато приличествует боле.

Последней славой осенять до гроба,
Чтить чистоту девического лба
И пленнику быть вестником в неволе.

177. Сонет о меде

Засахаренным солнечным лучом
Сияет мед на блюдечке стеклянном.
Посланец неба! Гость благоуханный!
Что хочешь ты поведать нам? О чем?

Увы, мы никогда их не прочтем,
Те знаки формулы твоей неожиданной,
Что в золотом ларце, от Бога данным,
У ангелов хранится под ключом.

Мы будем, волшебство не замечая.
Тебе всего лишь радоваться, к чаю
Меж булочкой и маслом получив.

Ведь тайна тайн твоих неизреченна,
И может быть, от нас сокрытый, жив
На хрупком блюде вздох самой вселенной.
1954

178

Итак: мы говорим стихами,
На языке поэтов. Он,
Конечно, выдуман не нами
И миру только одолжен.

Недаром он почти дымится,
Почти звенит, почти летит,
Недаром от него страница
Тот след обугленный хранит.

Когда приду я за ответом
Туда, куда мы все придем,
То там (не ангелы ли это?)
Заговорят со мной на нем.

Он будет весь уже крылатым,
Уже без слов, но все пойму,
Затем, что на земле когда-то
Я так любил внимать ему.
1955

179. Эпитафия на смежных могилах

Были: он садовником глухим.
Я – поэтом, всем внимавшим зовам.
И трудились каждый над своим:
Он – над саженцем, а я – над словом.

Мы ушли. Но на какой-то срок
На земле неистребимо внешней
Сохранимся: я – десятком строк,
Он – посаженной им черешней.
1954

Прикосновение

Моей жене

180

Мне не придется «там» писать стихов.
Но вряд ли ремесло свое забуду.
Мне верится, что даже и без слов
Опять, как здесь, служить я слову буду.

Не знаю, чем. Как это разгадать,
Земного равновесья не наруша?
Быть может, тем, что хочется назвать
Ямбическим прикосновением к душам?

Прикосновением стройным, как строка,
Которое в душе строку разбудит...
Ах нет, не знаю! Пусть со мной пока
Мечта об этом, затаясь, побудет.
1957

181

Чем дольше я живу – тем ненасытней я,
Тем с большей жадностью тянусь к усладе здешней.
Пусть ждет меня нектар иного бытия —
Я от разлуки с ней все безутешней.

И радость мне моя последняя горька...
Так в блекнущем саду, где астры холодеют,
Озябшая пчела с последнего цветка
Пьет скудный мед, сама уже скудея.

К остывшим венчикам она ревнивей льнет,
Неяркий солнца луч ее уже не тешит,
А то, что в улье ждет богатство полных сот —
Стяжательницы милой не утешит.
1957

182

Ну да – и рожь! Та расцветает тоже.
Сама как будто тем удивлена.
И так на все цветенья непохоже.
Что ты не знаешь, что цветет она.

Едва заметным лиловатым дымом
Из края в край все поле обовьет.
Она цветет, цветет почти незримо,
Почти тайком, но все-таки цветет.

О, не стыдись! Поговорим о чуде,
О несказанном таинстве земли,
Где все мы, все – поля, деревья, люди —
Хотя бы раз, хоть тайно, но цвели.
1957

183. Царскосельская гимназия

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.
Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Какой-то тесный и неловкий вход.
Да лестница взбегающая круто
И коридоров скучный разворот... —
Казенщина без всякого уюта.

Но если приотворишь двери в класс —
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.

А если ты заглянешь в кабинет.
Где бродит смерть внимательным дозором, —
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.

Обоих нет уже давно. Лежит
Один в гробу, другой, без гроба, — в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.

А здание? Стоит еще оно,
Иль, может быть, уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно,
И этой капли даже не осталось.
1957

184

Как бушевали соловьи
Над нашей гоголевской хатой,
Луною выбеленной и
Подсолнухами полосатой!

Их было не перекрычать!
Но, неуверенно вначале,
Еще пугаясь все сказать,
Мы их с тобой... перешептали.

Как было хорошо прильнуть
Губами к маленькому уху!
С собой мы взяли в дальний путь
Ту немудреную науку.

И с той поры она для нас
Защитой стала неизменной:
Таким же шепотом сейчас
Мы заглушаем шум вселенной.
1958

185

Ты была в моей судьбе
Самою хорошою.
И любовь моя к тебе
Стала легкой ношею.

Сколько тропок и дорог
Нами здесь исхожено!
Только скука в узелок
Не была положена.

И на пнях среди зимы
Было много сижено.
Без того, чтоб были мы
Стужею обижены.

Сапожки совместных дней
Нами не изношены.
Ты была в судьбе моей
Самою хорошою!
1958

186. Ангелу-хранителю

С детских лет ты был всегда со мною:
В первой женской бережной руке.
В первой половице под ногою.
В первом солнце на моем виске.

А потом ты шел со мною рядом.
Баловал парижскою весной.
Римским утром, андалузским садом —
И по-русски говорил со мной.

Я тогда не знал тебя. Я думал:
Это я с тобою говорю.
Слишком много радости и шума
Заглушало молодость мою.

Но теперь, когда так тихо стало
И вокруг меня и надо мной,
Разгадал я голос, что, бывало,
Принимал я второпях за свой.

И теперь я знаю: если все же
Был хоть чем-то в жизни я хорош,
И была на истину похожа
Иногда моя земная ложь;

Если женщин целовал, не раня,
И колосья трогал, не губя, —
Это только след твоих касаний,
Это все – тобой и от тебя.

И всего мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.
1957

187

Какая-то радость (но кто же
Из смертных ее назовет?)
Нам все-таки сердце тревожит
И жизнь разлюбить не дает.

Откуда она сохранилась.
Свой луч затаила во мгле.
Последняя чистая милость
На нашей недоброй земле?

Созвездья ль в нее уронили
Свою потаенную пыль?
Пыльца ли в ней утренних лилий
С утраченной райской тропы?

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.
1958

188

Не камешком в мозаиках Равенны.
Не багрецом на фресках Ватикана —
Была я лишь клочком веселой пены
На голубых просторах океана.

Но я навстречу парусу взлетала.
С прибрежным рифом, ускользя, билась,
Я смуглой девушки ласкала тело
И в золотой песок, устав, зарылась.

Мой быстрый путь ничем не обозначен.
Моя судьба случайна и мгновенна,
Но я была счастливей и богаче.
Чем все гробницы и дворцы вселенной.
1958

189. Стихи о стихах

Они живут какой-то жизнью странной.
Не только той, что нам видна сейчас.
Им не упасть на землю, бездыханным,
Когда рассказчик кончит свой рассказ,
И если даже здесь о них забудут —
Они в нездешнем ждать и медлить будут.

Они войдут какой-то тишиной
В какое-то великое молчанье,
Чтоб после, претворяясь в мир иной,
Земля в себя впитала их касанье,
И наш грядущий Иерусалим
Своим дыханьем был обязан им.

И вот от всех, казалось бы нетленных,
Сверканий клятв и содроганий битв
Останется, быть может, во вселенной
Лишь этот всплеск ямбических молитв,
Прикосновение к истлевшей лире,
В котором лучшее о лучшем в мире.
1957

190

Как много есть прекрасного на свете:
Крыло орла, девическая грудь.
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, млечный путь...

И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне...
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе ни мне.

И все-таки не легче ль жить на свете,
Когда ты знаешь, что везде кругом
Есть волны, клены, девушки и дети
И даже просто чей-то сад и дом?

Ты говоришь: все это преходяще!
И ты неправ! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленевшей чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!

Наш мир в бреду. Он шепчет заклинанья,
Он душит все, чем жизнь еще права,
Но в мире нет разрушенного зданья,
В котором бы не проросла трава.
1958

191

Возьми в ладонь свою планету,
Свою привычную звезду,
И молви:
Я предвидел это.
Мы расстаемся. Я уйду.

Но что-то с неумной силой
(Ее и смерть не победит)
Меня с тобой соединило
И никогда не разлучит.

Твои тяжелые прибои
Мне солью пропитали рот.
И шрам, оставленный тобою.
В моей душе не заживет.

Ты будешь ждать меня. Веками
Ты будешь для меня хранить
Свое немеркнущее пламя.
Свою нервущуюся нить.

И я вернусь. Вот в этой точке
Вот этого материка
Восстану в новой оболочке.
Непредрешаемой пока.

Взгляну... И словно в сновиденьи
Предстанет мир передо мной.
Уже в лучах преображенья,
Уже иной, совсем иной.

И, верно, вовсе и не словом
В том неожиданном краю,
А чем-то несказанно новым
Свои я песни допою.

Ведь для того и бред, и муки,
И судорога этих строк,
Чтоб дольний мир земные звуки
В небесный замысел облек.
1957

192

Подснежник узкой льдинкою в горсти.
Как та, через которую прошел он.
Еще он весь морозной тайны полон.
Морозной тайны своего пути.

И пальцы холода прикосновеньем.
Мне греет сердце медленный цветок.
Который лишь терпеньем превозмог
Всю невозможность своего рожденья.
1956

193

Вчерашней ветки повторенье
В моем распахнутом окне.
Но все иное: все – цветенье.
Все – солнечных лучей биенье
В сиреновой голубизне!

Не так ли ночь и мне поможет
Себя осуществить вполне?
И на заре и я, быть может.
Совсем другим предстану тоже
В Его распахнутом окне!
1958

194

Жизнь незаметно, с каждым днем,
Мне все становится нужнее.
Мы так давно уже вдвоем,
А вот впервой сроднился с нею.

Так в детстве смотришь, не дивясь.
На статуэтку на камине.
И сердца не волнует вязь
Ее давно знакомых линий.

А после как-нибудь возьмешь
И разглядишь ее прилежней
И подпись Мастера найдешь.
Которой не заметил прежде.

И вот особое с тех пор
Ты видишь в ней очарованье.
И для тебя ее фарфор —
Сладчайшей плоти трепетанье.

С тревогой размеряешь срок.
Что ей отпущен быть твоею.
И мыслишь: как я только мог
Всегда не любоваться ею!

1956

195

Когда, протягивая руки,
Я вижу молодость мою —
Весь сокровенный смысл разлуки
Я просветленно познаю.

Пока она во мне, со мною
И распускалась и цвела,
Пока она совсем нагою
В моих объятиях была —

Ценил ли я ее усладу,
Ее полураскрытый рот?
Нет, нам расстаться было надо
И снова встретиться, — и вот

Она встает передо мною
И приближается ко мне
Все той же, но совсем иною,
Впервые понятой вполне.

Пускай и мрак вокруг струится
И тяжесть прячется в виске —
Я вижу даже тень ресницы
На розовеющей щеке.

И как я мог в далекой были,
Той ослепительной весной
Не разглядеть алмазных крыльев,
Сиявших за ее спиной!
1958

196

О, славные содружества поэтов
Благословенной пушкинской поры!
Где ваши клятвы, пылкие приветы,
Беседы и невинные пиры?

Где ваши споры, где ночные бденья
На берегах торжественной реки,
Звениящие, как струны, посвященья,
Упомяненья, краше чем венки?

Все отошло... Мы вам уже не пара!
Мы мелочны, завистливы, скучны,
И даже самым совершенным даром
Развлечены, но не потрясены.

На сердце нам, заветно и глубоко.
Высокой дружбы не легла печать.
Вот почему и радости высокой
В стихах у нас – увы! – не прозвучать.
1958

197

Приземист лес, и берега пологи,
И море глухо плещет о песок...
Как этот край, и скучный, и убогий,
Мне на сердце тяжелой ношей лег!

Как будто где-то в позабытой были,
Меня теперь догнавшей сквозь века,
Уже давно обещаны мне были
И этот плеск, и этот хруст песка.

И здесь, сейчас, в глухом уединении,
Назначенном зачем-то наперед,
Какое-то земное преступление
Не торопясь мой путь пересечет.

Но все мертво, все пусто, все безмолвно,
Лишь плеск воды да ветра слабый стон,
И тайный страх уже спадает, словно
Измучивший и отлетевший сон.

Но навсегда запомнится мне этот
Пологий берег, волны и песок
И то, что там осталось без ответа:
Смутивший знак, ненаступивший срок.
1957

198

Я выпросил звезду у Бога.
Но что мне дальше делать с ней?
Она, чуть вечер, за порогом
Встает над нищетой полей.

И говорит мне: Я явилась.
Прими меня и приюти!
Я, как ребенок, заблудилась
На неисхоженном пути.

Пусть кто-то вычислил примерно
Мой вес, мой цвет, мои года —
Мы оба знаем: все неверно!
Я просто нищая звезда!

Не лучше я и не прекрасней
Твоей замученной земли.
В порыве к радости напрасной
Мы с нею вместе отцвели.

Обеих нас поймали люди
В математическую сеть.
Обеих нас никто не любит,
А кто посмеет нас воспеть?

Так говорит она... сказала...
И долго слышу я в ночи,
Как ось ее скрипит устало
И осыпаются лучи.
1957

199

Я к Богу с жалобой пришел.
Докучную и неизменной:
– Мне все-таки нехорошо
На островке Твоей вселенной!

Не потому что здесь всегда
Любая боль неисцелима.
И пахнут гарью города
И пеплом – волосы любимой.

А потому что не найду
Я никогда ответа свыше:
Зачем пришел, куда иду
И почему Тебя не слышу.

На всех дорогах бытия
Исхлестанный отцовской плетью.
С Тобой уже торгуюсь я
Несчетные тысячелетья.

Но Ты молчишь. А я – устал.
И все настойчивей желанье
Навеки заградить уста
Освобождающим молчаньем.

Не спрашивать, а просто ждать,
Свои тысячелетья множа,
Покамест гнев иль благодать
Преобразит иль уничтожит.
1958

200

Моя душа! Чужою тенью
Ты посетила край земной
И, верно, только на мгновенья
Бывала счастлива со мной.

В часы отчаянья и скуки
Не ты ли – и всегда права! —
Мои удерживала руки
И стерегла мои слова?

И лишь когда стихи и море
Захлестывали сердце мне.
Ты тоже, радуясь и вторя,
Бывала счастлива вполне.

Что принесет нам наша встреча
В пустынях скудости земной?
Тебя ль мой жребий изувечит?
Меня ль очистит подвиг твой?

Иль встретимся с тобою снова
В далекой мгле грядущих дней,
Зачем-то повторить готовы
Мученья близости своей.
1958

201

Мне страшно! Мы представлены
Почти что себе самим,
И нехотя водят ангелы
Нас всех по путям земным.

О, есть среди них чудесные.
Усерднее наших пчел.
Вот мой, например, что с песнею
Меня через жизнь провел.

Но больше таких, что лентяя,
А есть – отошли совсем
И бросили душу-пленницу
В добычу всему и всем.

Конечно, с них будет спрошено,
Догонит их Божий гнев,
Да только душа, что брошена,
Сгорит на земном огне.

Сама торопя с развязкою,
Чтоб боль оборвать в груди...
Мне страшно! Мой верный, ласковый,
Мой светлый, не отходи!
1958

202

Когда умрем, пойдем мы, может быть,
Зачем так много горечи на свете,
Сумеет нашу землю полюбить
И смысл в ее бессмыслице приметим.

Ну а сейчас... – сейчас она грязна,
И нам ее прикосновение гадко.
Как далеко запрятана она,
Непоправимая ее загадка!
Как далеко! Не вспомнить, не понять.
Не разобраться в смутном сновиденьи,
И чудится, что все стремится вспять,
К началу, к хаосу, к нагроможденью.
Вот разве только смерть... Поверим ей.
Не будем рассудительны и строги!
В расселинах таких же точно дней
Она была помощницею многим.
Всех приютила, всем ответ дала
И, уходя, на некоторых лицах
Оставила легчайший луч тепла —
Стихотворенья на пустых страницах!
1956

203

После каждой безрассудной ночи
Каждого бессмысленного дня
Жизнь быстрее становится короче,
Да еще не просто, а дразня.

Шепчет мне: – а не досадно ль все же,
Что меня не удержать никак,
Что я та шагреневая кожа,
О которой рассказал Бальзак?

Всю меня, как женщину, лелея,
Разодел и разукрасил ты,
Вечность ты мне подарил на шею —
Жемчуг небывалой красоты.

Только я прикинулась твоею,
Лгу, что на тебя не надышусь.
Час придет – тебя не пожалею:
Черной, душной бездной обернусь!

И не лучшим будет ли ответом
На мою улыбчивую ложь,
Если ты тайком меня за это
Неумелой пулей оборвешь?

...Шепчет, шепчет, вкрадчиво хлопочет,
Хочет все уговорить меня —
После каждой безрассудной ночи,
Каждого бессмысленного дня.
1958

204

Мой испуг, моя земная жалость,
Песня неумелая моя —
Вот и все, что у меня осталось
От тысячелетий бытия!

Почему так мало? Для чего же,
Всеми вожденьями горя,
Жизни я мучительные прожил,
Переплыл пустыни и моря?

Сколько мне еще и ждать и верить,
Страны, царства и века считать?
Сколько мне еще в глухие двери
Сердцем, сердцем – не рукой! – стучать?

О, медлительность земной науки,
Трудное земное ремесло!
В темноту протянутые руки,
В пустоте гребущее весло!

Где, когда, каким прикосновеньем
Приобщусь я истины твоей,
Мир мой, бред мой, смутное виденье
Сквозь туман меня томящих дней?

Или проясниться ты не можешь,
Как ни заклинай и ни моли,
И, едва раскрыв их, снова сложишь
Крылья семицветные свои?

И в обжегшем нас на миг сияньи
Мы должны, незрячие, прочесть
Всю разгадку своего скитанья,
Всех свершений огненную весть!
1958

205

Как земли уносишь горсть с собою,
Покидая родину свою,
Так в душе я знание скупое
О стране дожитой таю.

Ах, его когда-то было много!
Но на долгом, на земном пути
Растерял его я на дорогах,
По которым мне пришлось идти.

И сейчас петлят они все так же,
Перекрестков и теперь не счесть,
С каждым днем все глуше, все бессвязней
Об ином сберегаемая весть.

Неужели я и дальше буду
Уходить в густеющую тьму,
То, что было, навсегда забуду,
А того, что будет, – не пойму?
1956

206

Прощаться всего трудней, потому
Лучше всего умереть одному.
Чтоб были только стул да кровать.
Чтоб некого было к себе позвать.
Ничьих не увидеть последних слез.
Чтоб никакой подкроватный пес
В руку что свесилась, не лизнул,
Солнечный луч в дверь не скользнул,
Бабочка не залетела в окно...
О, только бы, только бы не весной!
О, если бы ночью! И чтобы звезда
Упала. Другая... Еще...
Тогда
Может быть легче будет уйти
По такому —
совсем пустому —
пути.
1957

207

Потому, что в этой жизни надо
Тело осторожное иметь,
Гордости докучную прохладу,
Разума мучительную клеть —

Мы живем не так, как нам велело
Огненное солнце бытия.
О земные исказив пределы
Жизнь мою, живу ли даже я?

Не бреду ли просто я, теряя
Свой же давний полустертый след,
Тусклый луч потерянного рая
Принимая за грядущий свет.
1957

208

От многих лет, от повторенья
Себя перегонявших дней
Остались странные мгновенья
Живыми в памяти моей.

Не те, что облетели розой
Иль напоили из горсти,
А те, что жесткою занозой
Остановили на пути.

Мне наслажденьем тайным стала
Их затихающая боль.

...Вот так шопеновский бемоль
Милей прозрачного хорала.
1957

209

Те города, где мы не побывали,
Те женщины, что нас не полюбили,
И те стихи, что мы не написали —
Нас мучаете до сих пор не вы ли?

Не ваши ли во сне мелькают плечи,
Белеют камни и сияют звуки?
Кто говорит, что если нету встречи —
То не бывать, конечно, и разлуке?

Вот мы не встретились... Но, замирая
В какой ревнивой и глухой обиде.
Я думаю о вас, хоть никогда я
Не целовал, не пел вас и не видел.
1957

210

В одну из тех ночей, когда,
Откинувшись, как для глотка,
Ты жаждешь неба, а звезда
Так безнадежно далека —

Не радостно ли ощутить
Плечо любимой у плеча,
Ту близость, без которой жить
Не стоит, — скажешь сгоряча.

А между тем никто нигде
Тех двух пространств не превозмог,
И путь к любимой и к звезде
Так одинаково далек!
1958

211

Мы все так делали. Мы всякий дар земли
Нетерпеливо отвергали.
Мы лучших девушек не сберегли
И лучших писем не послали.

Мы перепробовали всех отрав,
А горный ключ был скрыт от взора.
Самих себя беспечно обокрав
Мы так и не узнали вора.

Пусть он сейчас стоит передо мной —
Что пользы в этой поздней встрече?
Что с утра спрашивать, когда давно
Кругом непоправимый вечер!
1956

212

Встретились, как с многими встречались —
В тусклый день и равнодушный час,
И сперва еще не разобрались:
Началась любовь, не началась?

Но уже, как если бы в поруку,
Ты тогда мне руку отдала,
Милую, встревоженную руку.
Ту, что никогда не солгала.

Задержалась только на мгновенье,
На почти неуловимый срок,
Так что смысл того прикосновенья
Разгадать я лишь сегодня смог.

...Надо в мыслях чаще возвращаться
К отгоревшим, отшумевшим дням,
И в золе их мы найдем богатства,
Что в огне не просияли нам.
1958

213

В талом небе такие мокрые.
Акварельные облака.
...Мог ли я сомневаться, мог ли я
Не поверить, что ты близка,

Если так хорошо и весело
Ты умела ко мне прильнуть,
Медный крестик с моей повесила
На свою золотую грудь?

...В мутном небе такие влажные,
Акварельные облака.
...Важно ли, что была ты, важно ли,
Что слабела в моих руках,

Если вот вспоминаю редко я
И так нехотя о тебе,
Если ты раскаленной меткою
Не осталась в моей судьбе?

...В бледном небе совсем туманные,
Акварельные облака.
Почему меж других – не страшно ли? —
Эта путается строка?

Или ею напоминает,
Что все лучшее навсегда
Разлетается, расплетается,
Растворяется без следа.
1958

214

Нас было двое. Женщина была
Веселой, молодой и рыжеватой.
Умела лгать и изменять могла.
Не быв притом ни разу виноватой.
Теперь она... – но нет, мне легче с ней
На «ты»! – теперь ты все уже забыла:
Как целовала с каждым днем скучней,
Как мучила меня и как убила.
Нет, не сама, конечно! Кто теперь
Сам убивает? Я отлично помню,
Как ты на выстрел распахнула дверь
И кинулась ко мне, и как легко мне
Внезапно стало: я в твоих глазах
Прочел все то, во что уже не верил —
Недоумение, и боль, и страх,
И чувство горькой все-таки потери.
...О, если бы из тишины моей,
Из моего прекрасного свершенья
Вернуться снова в ужас этих дней,
Изведать снова все твое презренье,
Всю ложь прикосновенья твоего
И как последнюю земную милость
Спустить курок – все только для того,
Чтоб ты опять вот так ко мне склонилась.
1956

215

Возможно, если бы украдкой
Я снова побывал в былом,
Я разглядел бы недостатки
В далеком облике твоём:
В разрезе глаз, и в цвете кожи.
И в очертаниях груди —
Во всем, на что, когда моложе,
Мы, собственно, и не глядим,

В своем великом нетерпении
Влюбляясь, нужно или нет,
Уже в одно прикосновение
Семнадцати девичьих лет,

Когда неловкая Диана,
Ступив на вешнюю траву,
Для первой неумелой раны
Стрелу вправляет в тетиву.
1958

216

Я думал до сих пор, что наша
Давно развязанная связь
Хотя была других не краше,
Но все же в сердце сбереглась.

И вот недавно, в день погожий
Бродя по улице пустой,
Как заблудившийся прохожий
Я вышел к истине простой:

Что все давным-давно забыто
И окончательно мертво,
Что сердце на могильных плитах
Не написало ничего.

Нет, не подумай, я не плачу,
Я просто на ущербе дней
Одною истиной богаче.
Одною радостью бедней.
1958

217

Ну что же, вспомним зимний полдень, дом
И на паркете отблеск розоватый,
Неву в сиянии снежном за окном,
А между рам – стаканчики и вату.
И пармские фиалки у окна,
Махровые, бледней обыкновенных.
Как я любил их! Как была нежна
Их лиловатая голубизна
На фоне бледных зорь, закатов пленных
И желтой мути петербургских зим!
Как этот фон для них неповторим!

Тот магазин, где все их покупали
В те годы, назывался *Fleurs de Nice*.
Я помню поручни, ступеньки вниз
(Он почему-то был в полуподвале)
И сквозь заиндепевших стекол блеск —
Нежнейших красок приглушенный всплеск.

Вот, как тогда, вхожу я в этот душный
И влажный погреб...
Почему здесь ты?
Все так же весела и равнодушна,
На грани красоты и пустоты.
Где ты теперь, мой первый неприятель
В смертельных схватках с призраком любви?
Тогда я сердце на тебя истратил,
Сегодня – ты чужая мне. В крови
Твой образ и легчайшего волненья
Не в силах вызвать. Даже те цветы,
Что я дарил тебе, чье имя – тленье,
Живее и желаннее, чем ты.
Что ж, отвернись с усмешкой, как бывало,
И отойди! Не заслоняй фиалок!
1957

218

Сколько раз я нарушал обычаи
На извечном празднике любви!
Сколько раз в моем косноязычии
Захлебнулись радости мои;

Сколько раз засматривался молча я
Там, где нужно было подойти,
Сколько раз другие хваткой волчьей
Крали женщин с моего пути.

И за это горькое незнание
Как любить быстрее и веселей —
Я казнен теперь воспоминанием,
Самой страшной казнью на земле.
1957

219

Когда бы жизнь пришлось начать сначала —
Пусть будет снова именно такой:
Доверчивой, как путник запоздалый,
Беспомощной, как стебель под рукой.

Не уклонюсь ни от единой боли,
Ни от одной из казней и обид.
Пусть снова и согнет и приневолит
И жалостью ненужной оскорбит.

Все для того, чтобы опять и снова
Изведать, задыхаясь и спеша,
Прикосновение карандаша
К трепещущему, пойманному слову.
1956

Уходящие паруса

Моей жене

220

Мы все уходим парусами
В одну далекую страну.
Ветра враждуют с облаками.
Волна клеветает на волну.

Где наша пристань? Где-то! Где-то!
Нам рано говорить о ней.
Мы знаем лишь одни приметы.
Но с каждым днем они бледней.

И лишь когда мы все осилим
И всякий одолеем срок —
Освобождающе под килем
Прибрежный зашуршит песок.

И берег назовется ясным
И чистым именем своим.
Сейчас гадать о нем напрасно
И сердца не утешить им.

Сейчас кругом чужие земли.
Буруны, вихри, облака,
Да на руле, когда мы дремлем,
Немого ангела рука.
1961

221

Не потому, что мне когда-то
О нем рассказывала мать,
Не потому, что Фра Беато
Меня учил ему внимать,

Не потому! – А просто где-то.
В той изначальной тишине.
На грани вспыхнувшего света
Он сам приблизился ко мне.

С тех пор прошли земные сроки.
Которых не произнести.
Я иссушил свои истоки
И расточил свои пути.

И только ты, воспоминанье
О той дожизненной стране.
Вернее веры, ярче знания
Меня ведешь и светишь мне!

Я помню, помню! Этим словом
Все решено в моей судьбе!
Мой ангел, спутник мой суровый,
На всех путях, под всяким кровом
Я буду помнить о тебе!
1960

222

На итальяйском мраморе плиты —
Простое имя и скупая дата.
Но почему остановился ты
И вздрогнул я, смущением объятый?

Не потому ль, что вновь коснулся нас
В своем заолодевшем начертаньи
На плитах всех повторенный рассказ
О жалком человеческом незнании.

Смотри: сквозь надпись проступает ложь!
Лгут имена! Нас всех зовут иначе!
Нам роздали их просто как пришлось!
Где то, каким в веках я обозначен?

И даты лгут! Нам миллиарды лет!
Не эти шестьдесят, не эти тридцать!
Обратно нам уже дороги нет,
Но впереди нам не остановиться.

Уйдем отсюда! Что нам говорят
Случайно здесь разбросанные плиты?
Пройдут века — и мы придем назад.
Еще мгновение — и они разбиты.
1960

223

Когда я перед зеркалом стою,
Меня томит щемящее желанье
В него войти, проверить жизнь мою
Какой-то новой мерой расстоянья.

Наверно, если в зеркало войти,
Очутишься в пространствах небывалых,
Где все не так, как на земном пути,
И где, быть может, легче для усталых.

Там тишина, конечно, и покой,
А если где и сбереглись рояли —
То можно, не коснувшись их рукой,
Любое вспомнить, что на них сыграли.

Мне кажется, что там всегда светло.
Все зеркала – хранилища сияний.
О, сколько в их глубинах расцвело
Земных огней и солнечных касаний!

Ты не найдешь там горестных могил
(Ведь зеркалам нет до трагедий дела!).
Но непременно ту, что ты любил —
Она так часто в них тогда гляделась!

Но как туда войти? Как отыскать
Запретный путь в такое новоселье?
Какое слово надо прошептать?
Поклясться чем? Хлебнуть какого зелья?

Вот так и смерть встает передо мной
На зеркало огромное похожей.
Такой же неподвижной и немой, —
И кто мне, кто в нее войти поможет?

Что если, дерзновеньем окрылен,
Я кинусь к ней и вдруг, в последней муке,
Лишь битого стекла услышу звон,
Увижу в кровь изрезанные руки?

А может быть, простое слово есть?
Чуть слышное... И надо лишь неспешно
Приблизиться и слово произнести...
И вот вошел я и уже не здесь,
А там, в краю зеркальности утешной!

1961

224

Заложница несбыточной мечты!
Моя душа! Все променяла ты
На право быть невольницею этой!
Ну что же! – каменные плиты мерь,
Оглядывайся на глухую дверь,
Тянись к окну под потолком и сетуй!
И вот за это все тебе дана
Никем нетронутая тишина.
Никем не смятый луч через решетку
Ни с кем неразделенная звезда.
А в каждодневном хлебе иногда
Нездешней преломленности находка.
1959

225

Пока мой ангел на плечо
Кладет мне руку бережно.
Я знаю, что не все еще
И не совсем потеряно.

Но невозможно распознать
Его прикосновение.
Не отличить, не угадать
Чудесного мгновения.

Оно не радость, не испуг,
Не видится, не слышится,
Оно лишь в том, что сердцу вдруг
Чего-то легче дышится.
1960

226

Мы потому смотреть на небо любим,
Что поиски пространства – наш удел,
И навсегда дано в дорогу людям
Томленье душ и нетерпенье тел.

Так прежде мы на океан смотрели.
Материки предчувствуя вдали.
И бредили открытиями америк,
И в бездну вод кидали корабли.

Теперь опять томит нас жажда далей.
Их древний зов в крови еще не стих!
И чтоб они нам звезды разыскали —
Кидаем в небо посланцев своих.

И только на какой-нибудь планете.
Где светят три смараговых луны.
Иль по дороге к альфе или бете
Какой-то звездной золотой страны —

Поймем мы наконец, что подвиг странствий
Загадок всех еще не разрешил.
Что мы забыли об одном пространстве —
Пространстве нашей собственной души.

Что миллиарды лет скитаясь с нею.
Мы к ней самой свой потеряли след.
И до нее нам дальше и труднее.
Чем до америк и до андромед!
1960

227

Стала жизнь, что сон перед рассветом,
Этот чуткий, этот хрупкий сон.
Спишь еще, но знаешь: мягким светом
Занялся далекий небосклон.

И, тяжелых век не подымая,
Чувствуешь: он в комнату вошел,
По предметам, их не задевая.
Расстелил свой сероватый шелк.

Подождать – и неизбывным светом
Озарится узкая кровать.
И досадно только, что об этом
Не успею никому сказать.

Вот за дверью кто-то шевельнулся...
Постучат, откроют и войдут...
Но того, что я уже проснулся,
По глазам закрытым не поймут.
1960

228

Время! Спутник мой таинственный
На моих земных путях!
Враг смертельный! Друг единственный!
Наслаждение и страх!

Кто-то умный (не оспаривай!),
Но, конечно, не поэт,
Объяснил, что ты лишь марево,
Что тебя и вовсе нет.

Пусть! Но раз еще мы связаны
С нашей медленной землей —
Мы с тобой дружить обязаны
И дрожать перед тобой.

Я тебя в беспечной младости
Не берег и не ценил,
Лишь сейчас, и то без радости
Огорченно полюбил.

И слежу вперед известное:
Как, не глядя мне в лицо.
Всходишь ты чужой невестою
На соседнее крыльцо.
1961

229

Предутренняя болтовня дроздов
Вновь для меня была как избавленье.
Он заглушён, ночной томящий зов
Сомненья, горечи, недоуменья.

И в створки окон брошен мне опять
Клочок зари на возвращенном небе.
Как мало нужно нам, чтоб устоять,
Чтоб дальше жить! Всего лишь птичий щебет!
1959

230

Как в море камешек простой
И свеж, и чист, и ярок!
Но ты несешь его домой —
И блекнет твой подарок.

И ты ему уже не рад
И отшвырнул... – Послушай:
Ну он-то разве виноват,
Что ты живешь на суше!
1960

231

Звенит лазурь, и ветры вторят.
И влага пенится легко.
Но то не воздух и не море
И не сейчас и далеко.

То лишь предчувствие чего-то.
Что мне обещано потом
И прозвучало словно нота
Под неуверенным смычком.

Мираж? Мечты? А если все же.
Рассудку вопреки, оно
На то, что ждет меня, похоже
И мне взаправду суждено?

Как не принять его и даже
Не слиться в радости одной —
Ты скажешь мне: с земным миражем? —
А может, с правдой неземной?
1960

232

Мне больше ничего не надо,
Ни даже девушки влюбленной.
Но если б мягкий сумрак сада,
И чтоб туда сойти с балкона,

И где-то в глубине аллеи
Густой сирени куст высокий,
И там, от радости шалея,
Сложить наивнейшие строки!

Не те, где мне сейчас так трудно.
Где сердце мечется и молит.
А те, где юность безрассудно
Себя влюбленностью неволит.

Влюбленностью в весенний вечер,
В звезду, в страданье, в незнакомку —
В тебя, что девушкой навстречу
Ко мне торопишься в потемках.
1961

233

Есть русское слово «родная»,
Которого нету нежней.
Где этого слова не знают —
На целую радость бедней.

В душе оно свято хранимо,
На людях его не слышать,
И даже не всякой любимой
Его ты захочешь сказать.

Когда до последнего края,
Родная, с тобою дойду,
Когда на прощанье, родная,
Последнее слово найду —

То будет им снова и снова,
На все мое счастье в ответ,
Вот это заветное слово,
Нежнее которого нет.
1960

234

Я все тебя искал. Я долго шел
По всем тропинкам, будто бы без дела.
И вот тебя я так и не нашел —
Лишь ту скамью, где ты тогда сидела.
И я увидел то же, что и ты:
Пологий холм, траву сухого цвета,
Простые, бледноватые кусты —
Обычный почерк северного лета.
Но тут я вдруг твои глаза обрел.
И я увидел ими мир окрестный —
И странно: он передо мной расцвел
Как свадебный алтарь перед невестой.
Багряным цветом вспыхнули кусты,
Трава взметнулась хризолитом пенным
Кого ждала, о чем мечтала ты,
Что стало здесь все так благословенно!
1961

235

Я умер. И часы мои
С руки похолодевшей сняли.
Они еще идут. Они
Еще дышать не перестали.

Они заканчивают бег,
Так четко связанный со мною.
А завтра кто-то их себе
Возьмет, связав с судьбой иною.

И вот, не знаю почему,
Но померещилось мне, будто
Они не захотят ему,
Как мне, одалживать минуты.

Они соскучатся по мне.
По вены близкому биению.
Что, строчкою окаменев.
Становится стихотвореньем.

По тесной дружбе тех ночей.
Когда они со мной не спали.
С цезурой спорили моей
И мой анапест обгоняли.

И вот, чтоб как-то избежать
Непрошенного новоселья,
Они начнут спешить, бежать,
На день опережать неделю;

Соскальзывать с чужой руки,
В обивке прятаться диванной,
С собою, наконец, с тоски
Покончат, захлебнувшись в ванной.

И будет их в руках вертеть
С досадой часовщик сердитый...
Но никому не разглядеть,
Какая тайна в них сокрыта!
1960

236-237. Стихи о Петербурге

1

На Каменноостровском – тишина
И бледность белой петербургской ночи.
Уже как будто в воздухе весна,
Но щедрой стать она не хочет.

Лишь изредка, чем ближе, тем звончей,
Сухих торцов проснется говор ломкий,
Когда на франтоватом лихаче
Промчится Блок с влюбленной незнакомкой.

Да тротуар уснувший оживет
Под торопливым шагом пешехода.
И снова – тишина. И снова – год
Из тех, что до семнадцатого года.

Зачем я вот не этот пешеход,
Не кучер, что везет на Стрелку Блока,
Не дворник, задремавший у ворот,
Не проститутка, что домой бредет —
Вернулось бы лишь то, что так далеко!

Тот Петербург, куда возврата нет,
Где в мае ночь бледнее, чем Татьяна,
Где Гумилева затерялся след,
Где пушкинский упавший пистолет
Еще не поднят для ответной раны.
1960

2

Не петербургским сизокрылым днем
С тобой сегодня мы идем вдвоем.
Не тот простор и тишина не та,
Не те коня четыре у моста,
Не та ограда и не тот гранит,
И даже снег совсем не так лежит.
Так почему же вот сейчас, вдвоем,
Нам показалось, что мы снова в нем,
В том городе, где больше нам не быть,
Что больно вспомнить и нельзя забыть...

Не потому ль, что мы в себе таим
То, что навеки нас связало с ним:
И петербургский сердца холодок
(его гранит, что серебром намок)
И петербургской речи лад скупой
(его оград неторопливый строй)
И гордость, что всегда порвет узду
(его коня четыре на мосту) —
Все то, чем длится в наших двух сердцах
Наш Петербург, рассыпавшийся впрах.
1957

238

Как поутру заря роняет
Лучи во всякий спящий дом
И словно бы и не меняет,
Но все преображает в нем —

Так мне знакомо приближенье
Чего-то, что светлей меня:
Крыла какого-то паренья,
Луча какого-то огня.

И остается мне всего лишь
Принять, поняв его едва,
Прозрачный отблеск чьей-то воли,
Упавший на мои слова.
1960

239

Вот ты уходишь и не знаешь,
Что взять тебе с собой в дорогу,
И выбирая, забываешь.
Что нужно взять совсем немного.

Возьми с собою пруд с осокой.
Сирень и липу у балкона.
Этюд Шопена, строчку Блока
И шепот девушки влюбленной.

Все остальное лишь обуза
Для памяти и для созвучий,
И пусть тебя скупая муза
Прекрасной скудости научит.
1959

240

Я вспомнил – и в то мгновение
Я сам был тому не рад —
Что это стихотворение
Я начал лет сто назад.

В парижском кафе, за столиком,
Меж рюмок, локтей и ног.
Писал я и думал: стоит ли?
И все дописать не мог.

О чем оно было, жалкое,
Запачканное вином?
Конечно, все только жалобы
И все они об одном.

О том, что мне смерть обещана,
Что в мире нехорошо,
Что вот изменила женщина
С накрашенной душой.

На те же стихи с досадою
Сегодня смотрю опять.
Сумею ли я и надо ли
Их все-таки дописать?

Но если я даже сызнава
От них сгоряча уйду —
Листок мой, вином забрызганный.
Когда-нибудь вновь найду.

И снова, через столетия,
За тот же возьмусь рассказ...
О, горькие междометия —
Когда я срифмую вас?
1961

241

Ты дал мне непосильную задачу:
Быть человеком и познать Тебя.
И вот я пробиваюсь наудачу,
На тьму догадок истину дробя.

Но не пробиться, знаю это точно.
Так для чего ж на звезды я гляжу,
Молюсь Тебе, не засыпая ночью
И темными стихами ворожу?

Что от всего мне этого осталось,
Что сбереглось к усекновенью дней?
Неудовлетворенность и усталость,
Да сердце бьется глуше и больней.

Иль, может быть, вот в этом сердцебьеньи
(Как после возвращенья с высоты)
Верней, чем в чудесах и откровеньях.
Залог того, что существуешь Ты!
1961

242

Мы с детства самого в плену
Всечеловеческой неволи,
За чью-то древнюю вину
Несем ярмо жестокой боли.

Вину людей? Вину Богов?
Кто объяснит нам эту тайну?
От тех далеких берегов
Был пройден путь необычайный.

И все смешалось, поросло
Тяжелой ржавчиной забвенья,
Переплелись добро и зло,
Созданье и уничтожение.

Поверим, будто мы одни
Всему виною. Ведь иначе
Невыносимы станут дни
В краю небесной неудачи!
1960

243

Нет, и всматриваться не стоит!
Ведь с собою не унести
Эти звезды, луга, прибои —
Все и сложное и простое,
С чем мне больше не по пути!

Знаю, знаю: пора пришла мне
Подружиться с коротким днем.
Мелкой речкой, замшелым камнем,
Выкорчеванным скользким пнем;

С равнодушной подругой-палкой,
С шумом медленного дождя —
Всеми теми, кого не жалко
Будет мне потерять, уйдя.

Ну а если и к ним я тоже
Так привыкну, что станут мне
И они всех небес дороже —
Кто мне землю забыть поможет
В беспощадной Твоей стране?
1959

244

Мы через это все пройти должны:
Какой-то я не досмотрю весны,
Какой-то книги я не дочитаю,
Недопитой оставлю чашку чаю
И незаписанным какой-то бред.
Но так ли это важно? Разве след,
Что у меня в душе оставят эти
Прикосновенья, может быть заметен?
Царапиной на камне будет он!
Уже я этой жизнью завершен:
Я слеplen, я отточен, я досказан,
Я всеми наслажденьями наказан
И всеми оскорблениями омыт.
Печать моей земли на мне лежит
Неизгладимо, четко, неизменно,
И нету радости во всей вселенной
И даже огорчений, что могли б
Ее застывший изменить изгиб.
О чем мечтать, чего еще бояться?
Одно осталось мне: таким остаться.
1960

245

Перерастем ли мы когда-нибудь
Свои тела? Сумеем ли без тела
Поцеловать, заплакать, протянуть
Друг другу руки, шаг навстречу сделать?

Конечно, это все придти должно,
Но сколько ждать? Но сколько возвращаться
На землю, чтоб узнать всегда одно:
Что и на этот раз с ней не расстаться.

О, долгое цветенье бытия,
Его ненаступающая осень!
Тысячелетья мне нужны, чтоб я
Свой лишний лист и опознал и сбросил.

И миллионы лет, чтоб отмерла
Моих ветвей – моих касаний – жесткость
И чтобы плоти – моего ствола —
Истлела неуклюжая громоздкость.

Скорей бы от меня остался мне
Лишь смутный абрис, контур, что бледнеет...
Взгляни на тень платана на стене!
В ней все легко! Как хорошо быть ею!
1960

246

Простых путей не знаю я
К неустойчивому раю.
На перекрестках бытия
Я сторонюсь и озираюсь.

Зовут широкие пути.
Но в сердце смутное решение.
Что если и смогу дойти
То лишь тропинкою сомненья.

Она теряется в песках.
Но и высоты не одолеет.
И я бы их не отыскал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.